

Андрей Иванов

ПРОГНОЗЫ ИЗМЕНЕНИЯ

ЗАКОНОВ ПРИРОДЫ

Андрей Иванов

**Прогнозы изменения
законов природы**

«СУПЕР Издательство»

Иванов А. Л.

Прогнозы изменения законов природы / А. Л. Иванов —
«СУПЕР Издательство»,

ISBN 978-5-9965-2626-0

Автор сборника, как, видимо, и лирический герой, который объединяет центральный роман и пять рассказов – выпускник Военного университета, специалист в информационных войнах. Но если пиарщик из рассказа «Личное место» ставит себе целью «стать святым официально» и осознает свою особую миссию (совершая в финале рассказа подвиг веры, отстаивая истину), то герой романа, сотрудник секретного Центра прогнозирования изменений законов природы Семибратский, вполне доволен собой и поглощен работой. До той поры, пока ему и коллегам не придется сделать выбор в условиях фантастического бесчеловечного эксперимента и оказать сопротивление системе, пожирающей тела и души в буквальном и переносном смысле. Недаром в качестве эпиграфа приведены слова Мефистофеля из «Фауста», а в рассказе «Пастушок» действует персонаж, которого герой сравнивает с ловцом человеков, но не удерживающим их, а толкающим их в пропасть. Антагонист пастушку – хранитель реликвии из фантастического рассказа «Умаление фенечки», которому дано воскрешать людей. Но и ему придется сделать непростой выбор, решая кому жить, а кому умереть. Повествования пронизаны философскими размышлениями героев и поисками истины, многочисленными аллюзиями. Уровень заложенных между строк смыслов ориентирован на людей, не стремящихся к легкому чтиву, но заставляющих работать своё мышление и способных получить от сложного текста интеллектуальное удовольствие.

ISBN 978-5-9965-2626-0

© Иванов А. Л.
© СУПЕР Издательство

Содержание

Личное место	9
Пастушок	20
Умаление фенечки	27
Ничьё дитя	38
Уха с молоком. Подаяние себе	46
Прогнозы изменения законов природы	53
Часть первая	54
Глава 1. Племя новых романтиков. Вместо предисловия	54
Глава 2. В конторе	58
Подглава главы 2. Абстракции реальны и идеальны	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Андрей Иванов
Прогнозы изменения законов природы

Личное место

«Стать святым, официально». Такая ссылка случайно открылась мне в поисковике, когда мне было четырнадцать. Хотя это было во время моего любимого урока, географии, я открыл текст, расположил телефон на колене и полностью прочитал. В то время я таким же порядком освоил почти всего Фенимора Купера.

Изложение было от органов церкви (я такое всегда проверял), а не искусительным предложением услуг. Открытием оказался не только сам факт такого, доступного всем, откровения. По тексту было много других потрясений для юного ума и чувствования. Очевидным, но, тем не менее, резким ударом была необходимость... умереть! В том возрасте ещё не задумываешься о смерти, для подростка смерти нет. Даже так: каждый считает себя бессмертным. А старики или умирающие – так это какие-то дураки, либо не сумевшие истинно жить, либо не знающие элементарных вещей. Например, что в чай можно добавлять меньше сахара. Погибших мы, конечно, не берём – такое отношение к ним нечестно. И это явление я решил осмыслить потом, сейчас мне было не под силу.

При этом я уважал взрослых. Даже решил, что стоит слушать их советы – это бывает или может быть полезным. Мнение о себе, что я самый умный (свойственное возрасту с двенадцати до двадцати, а у кого и больше), я определил внутри верным не до конца. «А вдруг эти советы неспроста! И так, может быть, наоборот, интересно поступать с учётом мудрости старших – в контрапункт юношескому максимализму и не как все. Есть же, например, заповеди».

До сих, хоть мне уже за сорок, продолжаю называть про себя это соображение самым верным за всю свою жизнь. Только было неясным, как же взрослые могут погибать. Молодёжь, понятно – по незнанию и неопытности. А вот взрослые? Особенно сами себе создавая предпосылки к гибели? «Правда, и снова вдруг – вдруг, они каждый хотели оказаться святыми или среди святых?!»

Я бы хотел уже результата – стать святым! А погибнуть для этого, конечно же, не было никакого желания. Я хотел бы умереть осознанно, возможно, даже через самоубийство. Но тогда в святые не возьмут. Вот незадача!

Вернулся в урок: про Панамский канал было интересно и тоже полезно знать. По географии я был лидером в классе или даже в параллели: знал не только кучу столиц, но и высоты и глубины, ширину проливов, длину морских трасс, даты открытий. Без иллюзий, что это пригодится – просто как замещение реальных путешествий, в которые неизвестно, поеду ли.

Учительница и наш классный руководитель, Изабелла Константиновна, почему-то иногда ставила ударения не там. Например, Никарагуа́. Отличницы и те, кто стремились ими стать, повторяли её интерпретацию. Но все же классная была хорошая (хотел написать «классная», но мы всё-таки в приличном обществе!).

Когда нас пересаживали в классе, я старался найти предлог сесть в ряд у окон. Попутная жизнь природы и людей были интересны – именно там таилась суть, в том числе, про святость и про всё остальное. Сегодня осень входила в уверенный пасмур, земля стала исключительно лиственной. Даже ворОны, а их у нас всегда было чересчур много, примолкли и сами смотрели на нас в окна с немим вопросом про тепло. Копавшие траншею рабочие были заняты улучшением мира – я их уважал и любил. Многие же учителя почему-то показывали на них пальцем и грозили школьникам: «Вот, не будете учиться, станете копать землю!». Я такого не понимал: ведь копать – это самое первое и самое, на мой взгляд, благородное дело от начала времён. В этих усилиях и попытках трансформировать изначально тяжёлую для человека природу кроется суть земли – в призыве «Я – для тебя! И ты – для меня!».

Смиряло с осознанием необходимости «умереть» (это я возвращаюсь к желанию «стать святым», а такое поселилось во мне теперь навсегда) изучение жития кандидатов. При этом

звание святого не означало, что он или она должны всегда вести безупречный образ жизни. Святость чаще должна была подтверждаться подвигом веры. Как с Апостолом Павлом: он долгое время был гонителем Христа, когда лично не знал его. Но затем познал и стал широко распространять христианство.

(Когда бы ещё я мог так открыто и без боязни выражать свои мысли! Только такие предельные темы могут дать, и не отнимать, основу для безспоримых рассуждений – а многие хотят их оспаривать просто по причине своего, данного им по ситуации, места. И да, я горжусь таким длинным рассуждением и не хочу никого оскорбить.)

Эта сложность, или, по крайней мере, претензия на сложность, пришла, конечно, с возрастом. Именно тогда я так не мог думать. Меня занимал больше наш неофициальный турнир в классе по мини-футболу во дворе школы, чем передача географии. Тогда я получил единственную за все десять лет «тройку» в четверти – играли полуфинал. Изабелла, оказывается, видела меня играющим, ну и я не явился к назначенному времени. Я одновременно жалею и нет. Жалею – что не уважил любимого учителя, а не жалею – что забил мощный гол, с лёта, левой (я двуногий футболист, это редкость) в ближнюю «девять».

Изабелла Константиновна, разбираясь в классный час с каким-то нашим происшествием, всегда говорила: «Будем сидеть до морковкиного задованья» (вместо «заговенья»). Потом, через много лет, я оценил это «задованье». Оно и важно, как не просто окончание чего-то во вселенском масштабе, а как всеобщий смысл. Итого, вселенское моё личное «задованье» должно было сводиться именно к святому становлению – чтобы я стал (и я должен стать) святым! Готовность пронести свой крест и быть распятым – самое, можно сказать, простое. Хотя я и сёстры и братья по духу готовы сделать это в том самом евангелическом контексте!

Сейчас мне за сорок. Окончил военное училище. Живу – родил – состою... Собственно, я полковник. А в войну, как замполита, призвали в... иезуиты.

Подразделение пропаганды было мощным и многочисленным само по себе. Кроме того, вся военная структура была пронизана напряжёнными струнами смеси особистов с воспитателями, психологами и другими ответственными за дух воинов. Причём половина усилий направлялась вовнутрь самой структуры. Однако на упреждение или подготовку чего-то не хватало – когда реальной, а не показной воли, фактически работающих «серийных», а не штучных моделей идеологического вооружения. А главное: практически все не доверяли системе, знали и частными чувствами боялись, что в любой момент та их пережует и выплюнет. Насчёт системы никто не обольщался.

Но войну большинство приняли как правильное движение. Одним из мотивов был долгожданный повод к единению, чего не было многие десятилетия. Пусть будет плохо, пусть будет, как будет, – но это возможность стать снова если не друзьями, то соседями, с теми, кто живёт совсем далеко, кого ты никогда не узнаешь, кто так же готов к новым лихим временам. Приходилось жалеть всех. Ведь многие строили свои мысли от не заданной в их судьбе линии, но имея потребность оказаться вместе. На любое время. Об изломах такой логики и заповедях, конечно, не думали.

Среди скрытых мотивов было, конечно, и «навредить соседу», и иррациональное желание разрушить, и звучал в голове набор фраз из телевизора... Сложнее всего было молодёжи: и до того было неясно насчет будущего, а сейчас всё стало настолько неопределённо, что оставалось только смотреть в себя.

В атмосфере разлилась возбуждённая тревога – и поскольку возбуждение вызывает прилив физиологических проявлений, то тревога была с оттенком веселья. Перепады частного и, уверен, коллективного настроения становились чаще, нарушалась последовательность мыслей и сомнений – реальность происходила как этот бессвязный текст. Неизвестно, происходило всё это так осознанно или нет.

Непонятно почему сегодня первый раз в жизни супруга Лия приготовила кисель. Я, помимо прочего, выбрал жену за имя. Интересное же. Влияет на характер, ну и, например, не знаешь, чего ожидать.

Я уже давно приходил поздно, уходил рано – особенно видеться не приходилось. Ближе к сорока оба стали считать это благом: возникало меньше поводов для ссор, почти каждый день успевали соскучиться. С сыном, которому было на сегодня около пятнадцати, успевали общаться по выходным и по утрам, когда вставали рядом по времени. Домашние всё понимали. А жена даже стала меньше ревновать – понятно же, что я «на фронте».

Она тоже работала, но на «удалёнке» – поначалу это радовало, но после Нового года стало её чуть тяготить. Из дома скучнее, а смысл работы ведь не только в работе, это же ещё вид развлечения.

Было около десяти вечера.

– Привет, дорогой! – Лия дежурно приникла к моей щеке.

Я был «в гражданке» – именно нашему блоку можно было не носить форму.

– Привет! А где Артём?

– Засыпает. Завтра очередная контрольная – сам решил пораньше лечь.

Мы непроизвольно перешли на шёпот. Раздевшись в прихожей, я прошёл на кухню и выключил большой свет. Остались только огоньки над плитой.

– Устаю от мониторов. Подумать толком некогда.

– Что тебе положить? Вот, выбери, – она подошла к плите и показала на набор кастрюльско-сковородок.

– Нет, спасибо! Не хочу есть. Замотался.

– Ну хотя бы кисель!

– О, такое буду, конечно.

Лия налила (или с киселём стоит говорить, наверное, наложила) кружку киселя неопределённого цвета и села напротив.

Я встал и сделал то же самое для неё.

– О, скоро для готовки будет не хватать поверхностей, – комплимент вышел двусмысленным, но я сразу спохватился: – Да, извини за армейский юмор.

– Да норм. Живи пока! – она покрутила в руках столовый нож.

Дом был в стороне от трассы, но шум беспрерывно проникал в квартиру в любое время суток. Большой город надрывал мышцы в обозначении себя в мировом и даже космическом пространстве. Я закрыл шторы – хотя бы от постороннего света.

– Что там у вас?

– В борьбе... – ответил я дежурно на дежурный вопрос.

– Генерала дадут?

– Нет. Там над нашим есть ещё теневой генерал. Ходит у себя в тайном офисе в носках или даже босиком...

В имеющихся обстоятельствах мне самому никакого повышения не хотелось: нервов у меня не хватит.

– ...по полу?

– Нет, у него мощный ворсистый ковёр по всей площади. В общем-то, понятно – работа нервная. И на генерала совсем не похож: ходит в майке, патлатый, небритый. А форма висит в дальнем углу, наверное, ни разу не надетая. А так, кстати, в общении приятный и понятный человек.

Я долго не хотел рассказывать жене этих секретов, но совсем сдерживаться было невозможно. И такие частные впечатления вроде как не секрет. На прошлой неделе я действительно побывал у куратора. Это слово наиболее точно отражало пропозиции и функции этого человека. Мы были ровесники – только у А. Д. было намного больше седины. Кабинет был зате-

нён – хотя окна смотрели на юг. Двойные плотные шторы не позволяли солнцу побеспокоить начальство. «Это Иерусалим!» – вместо приветствия сказал в начале рабочей беседы человек, кивая на развешанные по стенам большие, красивые и светлые фотоработы. «Фото – мои». Я только кивнул.

– А у Кондратенко беда. Половина родни здесь, половина – там. Полный раздрай. Все – на успокоительных, – Лия сказала это о друзьях семьи, живущих в соседнем доме.

С мужем мы были сослуживцами, а наши супруги сошлись по возрасту и схожим интересам (конечно, у них было неявное семейное соперничество).

– Да Василий на службе вполне в тонусе...

– Даже непонятно, чем можно помочь. Света сказала, что муж уже несколько раз говорил насчет повеситься. И повторяет всё чаще, – тон супруги был неопределённым: то ли ей страшно, то ли интересно.

Я был настолько уставшим, что не мог выстраивать какую-то легенду в мыслях, а говорил как думал.

– Это нормально. Любой мужик задумывается о самоубийстве. А кто этого не делал – сумасшедший!

* * *

В молчании жены оказалось больше слов, чем можно было ожидать. Давно мы так не общались! Мне понравилось.

В относительной тишине донеслись новости из работавшего в зале телевизора: «...ценю такое внимание от собственной Родины».

– Какой идиот! – прервал я молчание, узнавая по голосу одного из корреспондентов и уверенно ругая его. – А ведь журналист. Когда человек говорит «собственная Родина» как словосочетание – это значит, что он разделяет внутри себя эти понятия, отделяет себя от Родины.

– Да, согласна, – Лия положила в успокаивающем жесте ладони на мою свободную левую руку. – Но ты, пожалуйста, потише. Соседи могут услышать.

– Ну, ты хотя бы с ума не сходи!

– Я, может, тоже тут задумываюсь...

За окном почти одновременно завывали две сирены. По характеру звука можно было предположить, что разные службы мчатся по шоссе навстречу друг другу. Звуки нарастали, наслаиваясь друг на друга – ждать стало невыносимо. Я заткнул уши, но тревожные сигналы всё равно прорывались. «Когда уже вы столкнётесь и начнёте разъезжаться?!»

Чтобы хоть как-то бороться с ожиданием, я начал обратный отсчёт: «Девять, восемь, ... три, два, один». Но потребовалось повторить: «... три, два». На новом счёте произошла кульминация этой никем не написанной городской увертюры – сирены слились на пике, ворвались в ночи во все дома, а затем столь же долго эти звуки удалялись, но стало уже легче.

– Как кисель? – супруга всё-таки у меня мудрая.

Она подошла к плите и что-то там колдовала неочевидное.

– Кисель офигенный! Как из солдатского пайка!

Комплимент вышел неловкий. Я-то имел в виду, что это, наоборот, хорошо, мы даже на учениях ели брикеты киселя просто так, сухими.

– Ага. ЭС-Пэ-ЭС! Завтра налью тебе с собой, – сказала она не поворачиваясь.

Это её свойство говорить, стоя к человеку спиной, мне и большинству друзей не нравилось. Но, собственно, так же, не поворачиваясь к людям лицом, с нами общалась система – почему бы нам не ретранслировать раппорт.

* * *

С недавнего времени сны стали по значению равняться реальности – по смыслу и плотности переживаний. Многие оказывались интереснее и как-то нужнее, чем личные, не говоря посторонние, действия.

«Если там можно видеть сны, тогда вообще не о чем беспокоиться!» Стоило беспокоиться только о детях. Не зря же господь возложил деторождение на своих потомков – а мог бы продолжать творить их из себя. Все были бы прямыми потомками, но люди ходили бы тогда пустыми и бессмысленными.

С сыном мы пересеклись утром на две минуты. Я уже обувался на выход, а он только встал.

– Привет, па! – он обнял меня, полностью прислонившись, как будто ещё досыпая на мягком мне.

– Бодрое утро, боец! – я потрепал его по лохматой после сна голове.

– Не называй его так! – донеслось из ванной через полуоткрытую дверь.

– А чего? – я угадал мысль жены.

– Воевать он не пойдёт! – Лия на полтона повысила голос.

– Да ему ещё три года до возраста! – держал я оборону.

– Ну всё это может затянуться... до бесконечности.

– Что есть, то есть, – согласился я со вздохом.

– Так, ребята, вы чего с утра?! – по-взрослому прервал нас сын.

– Не пойдёт. Будем считать, я за него отслужил! – я посчитал, что поставил точку.

– Вот именно! – супруга выглянула из ванной с намыленным, не похожим на себя лицом.

* * *

Сегодня, как обычно, необходимо было продумать и предложить три контрхода для ведения информационной войны – на реальные или, если недоставало таких, придуманные факты и события. Каждый из распределённой экспертной группы – а сколько нас было всего, никто не знал, – делал это ежедневно к девяти утра. Затем отбирались лучшие идеи, и их сразу можно было видеть, слышать и читать по всем нашим каналам. Судя по тому, что мои разработки выходили в эфир два-три раза в неделю, группа составляла человек двенадцать (под руководством современного «иерусалимского мессии»).

Огромный зал ситуационного центра был оснащён разнообразными мониторами, светился отовсюду огнями, но жил негромко, урчанием суперкомпьютеров и приглушёнными – в гарнитуры – разговорами военных всех званий и родов войск. Гигантское пространство, казалось, было без опор и даже без потолка. Приходилось специально вглядываться, чтобы разобрать цвет и рисунок на потолке. Там было светлое небо в лёгких облаках, и по нему двигались красные и другие контрастные самолёты и планеры. Они всё летели и летели к нам из дальнего прошлого, не останавливаясь в настоящем, в ведомое только им одним будущее.

Василий Кондратенко занимался технической поддержкой воздушной и космической разведки. Хотя мы никогда предметно не обсуждали свои направления работ, но по отдельным фразам, манере разговора, манере умолчания все знали зоны ответственности друг друга.

Я уже был за рабочим местом, а он только вошёл, в форме. Василий не дал мне подняться для рукопожатия, мягко вернул меня в кресло, положив руки на плечи. Я неловко подал руку вверх.

– Здорово!

– Здравия желаю! – на службе я никак не мог переключиться на гражданскую манеру речи.

– Возможно, я сегодня последний день, – сказал буднично друг.

Я не нашёлся что сказать.

– Верить или нет, фамилией не подхожу, – Василий задерживался больше обычного, могли неправильно понять, тем более, что он брал долгие паузы. – Но тебе, Иванов, это не грозит.

В зале образовалась пространственная тишина – так всегда бывало перед включением громкоговорителя. На том конце связь уже включили, но молчание производило в наш адрес только поток выжидательного эфира. На той стороне постучали пальцем в микрофон – для нас это прозвучало как будто в небесный барабан.

– Внимание! Желающие могут подать заявления в добровольцы на полевую часть. Перед этим можете индивидуально проконсультироваться со своим непосредственным начальником: разнарядка, сроки и условия доведены по вертикали.

Мощный, поставленный голос своим тембром и всем остальным вселял в каждого посыл сразу встать и подать документы. Сопротивляться этому было практически невозможно. Но вдруг говорящего отвлекли, он зашептал что-то секретное в сторону – видно, было срочно, – но мы никто ничего не слышали.

– При этом с вас не будут сниматься регулярные обязанности! – эфир прекратился.

– Пойдёшь? – спросил без давления Кондратенко. – Сразу в рай! – обычно он так резко не шутил, но сегодня – мы оба это понимали – ему было можно.

– Надо подумать. Брат, извини, у меня тут срочное задание – попозже подойду.

Я действительно был в цейтноте. Но загонял себя умышленно. А с учётом новых обстоятельств решение служебных задач помогало ответить и на вопросы про добровольчество и про... святое становление.

Так.

Просмотрел серию новостей – внутренних и внешних, отметил бестолковость материала «Аллигатор» не погибнет, даже если ему отстрелят хвост». Что из этого следует для людей?! А если кто прочитает со смыслом без кавычек? Непонятный предмет для гордости. Ну и надо бы потоньше.

Лобовая пропаганда, как по мне, работает хуже. Я старался работать на семантическом уровне: заронить сомнение, вызвать интерес профессионалов, коснуться скрытых мотиваций, заочно посоревноваться с таким же сотрудником по ту сторону. Низкая стилистика мне претила. Хотя в таком жанре приходилось выступать тоже.

Пора было разгоняться. Вот, можно зацепиться – в одном зарубежном издании проблемная статья «Почти каждый третий из строителей погибает от передоза. Надо что-то делать». Пока неясно, как это раскрутить и обернуть. Мне пришлось включить профессиональное качество – иезуизм. Я так называю изошрённый цинизм. В принципе, мне это несвойственно – а вот тем, у кого есть цинизм в характере, работать у нас проще. Бу-бу-бу-бу – я понадувал щёки. Это у меня такой признак работы мысли.

Вот, придумал! «Выбытие населения из-за социальных проблем – одна из причин, почему страны принимают беженцев». Изошрённенько! За такое в рай меня не пустят – значит, неплохо.

Первая идея есть. Записал. Откинулся в кресле. Подумал, что странно, когда работать на такое приходится душой.

Вот, в мировом котле, смешивая даже на равных чёрное и белое, выходит состав ближе к чёрному. В душе, наверное, так же. Но, хочется верить, что в душе потом можно раскрутить это смешивание в обратную сторону и вернуть белое.

Дедлайн уже вот-вот. Надо начитать свежих материалов. «На великой шахматной доске образовалось динамическое равновесие, но с негативным для соперника трендом... В этом гамбите, выражаясь шахматными терминами, образовалась патовая ситуация...» Я называю

подобные рассуждения «кабинетными упражнениями». А ведь путём таких рассуждений во многом и определяется характер действий. Ты попробуй выйди сам в окопы – пожалуй, забудешь про шахматные аналогии! Как будто на пальцах осела болотная жижа – мысленно я её стряхнул.

«Время важнее всего остального!» – это было негласное правило нашей группы. Пусть будет ерунда или бессмыслица – но следует успевать. В этом была своя правда. «У нас эти чёртовы правила не без чёртовых причин», – всплыла на экране из глубин таргетированной рекламы фраза. О чём было всё послание полностью, я не дождался – цигель-цигель.

«О, есть всё же полезное зерно в тексте!» – я зацепился за слово «динамическое». «Современный конфликт требует динамической матрицы целей». Записал и даже поднял потом на первое место. «А, хорошо же?! В меру непонятно, с наукой, и работает в обе стороны – может отражать реальность, и может трансформироваться от реальности».

Остаётся три минуты. Вбиваю в поиск наобум (надо что-то про вечное): «Данте». Поисковики выдают часто непредсказуемые подсказки, плюс столбик быстро читается. (Успел зачём-то подумать: «Интересно, а на Страшном суде так же с ответами торопят? Народа ведь много. А сейчас ещё больше!») И третьей строкой появилось: «Данте... как танк». Вот так да! Полез в контекст – оказалось это про игру «Хроники хаоса», обсуждалось, кто контрит Данте и про танк.

В итоге родилось: «Кто контрит Папу Римского?». Уж задирать пафос, так задирать!

Успел! А кому хочется лишаться премии?

Налитый час назад кофе остыл, но это в моменте было неважно.

«Вася!» Я поднялся и пересёк несколько негласных границ между секторами ситуационного центра. Мы старались не ходить к соседям, чтобы не мешать – ну и чтобы потом не катали на полиграфе на предмет, не познал ли кто чего лишнего. Никаких границ на полу, конечно, не было – эти барьеры висели в воздухе сами собой.

Я подошёл к Кондратенко. Он увидел меня в отражении в мониторе, но не повернулся.

– Не отвлекаю?

– Не сильно, – он, наверное, не хотел, чтобы наш разговор неверно поняли.

Как ни странно, в их секторе было мало народу.

– Да все на перекуре, – ответил он на незаданный вопрос.

– Ну пойдём тоже покурим, – предложил я, хоть и не курил.

– Да, хорошая мысль! – он вытащил из стола свежую пачку сигарет.

Мы долго шли затемнёнными коридорами – курилка располагалась во внутреннем дворе, были закрытый павильон и вроде как запретное пространство вокруг него. Но большинство коллег стояли снаружи: было хоть и прохладно (май оказался не по климату зябким – да вообще, весна из Москвы в последние годы ушла), но солнечно. Все хотели ловить солнце.

Среди курильщиков был в основном васин сектор, они уже успели с утра между собой поздороваться.

– Гутен морген! – неловко вырвалось у меня: пытался пошутить.

А на самом деле у меня после некоторого умственного и эмоционального напряжения снизился контроль за речью.

Некоторые кивнули.

Мы остались на дворе, расположились чуть поодаль.

– Я тоже покурю, – сказал во мне другой «я».

Ну значит так было нужно.

Василий достал сразу несколько пачек сигарет из разных карманов, с разным числом курева.

– Вот, выбирай!

– Зачем тебе столько?

Он продолжительно посмотрел на меня.

– На автомате беру каждый раз новую пачку. Вроде внешне не нервничаю, а изнутри приходится, прорывается само.

Я выбрал Camel. Пачка оказалась из ограниченной серии – вместо верблюда на титуле красовался белый медведь.

– О, неожиданно! Дай посмотреть, – я протянул руку.

Но Василий уже смял пачку – сигарета оказалась последней – и бросил в урну.

– Ну зачем? Прикольно же. Я бы сыну показал.

– Сейчас не до приколов, – оборвал он, и был вправе.

– Ну да, буржуйская вещь.

– Вот именно! – разговаривать при таком скоплении народа он, было видно, не хотел. Или вообще не хотел.

Выкурили по одной. Быстрее, чем хотелось бы.

«Надо бы выпускать метровые сигареты!» – пошутил я внутри себя, правильно решив, что лучше лишний раз не высказываться. «Ага, и пятиметровые винтовки...»

Кондратенко, как и многие другие, чуть подождав, прикурил снова.

– Что решил? – он всё-таки чуть расслабился и задал реально волнующий его вопрос.

– Ты про добровольчество? – догадался я.

– Да.

– Пока не знаю. Надо бы, конечно, съездить, – я действительно так думал.

– Что, с женой проблемы?

– Да в общем нет.

– Просто хочешь убежать, запрятаться? – Василия бы в замполиты.

– Отчасти так.

Проходя мимо, один авиаразведчик, коллега Василия, то ли в шутку, то ли всерьёз спросил его: «Есть идеи, как ещё использовать военно-транспортную авиацию? Чтобы в обратную сторону не порожними летали».

– Можно бомбы под «Ан – двадцать шестые» подвешивать. Правда небольшие и немного, – ответил из меня другой «я».

– О, свежо! Я даже не знал, что такое возможно, – порадовался коллега.

Кондратенко разозлился.

– Ну они обратно-то тоже не пустыми идут! – сказал товарищ, сдерживая злость.

– Лучше, наверное, всё-таки листовками их «вооружить». Над любой территорией, своей или нет, есть смысл доносить смысл, – добавил я, чтобы вырлиться из неловкой ситуации.

– Спасибо, бро! – совсем неофициально отреагировал сослуживец и, ускорившись, пошёл в штаб.

Стоять дольше было совсем неприлично. Не считая того, что всё под камерами.

– С тобой-то что?

Он нахмурился.

– Пойдём в моё... личное место, – позвал я его.

– Такое у нас бывает?

– У меня есть.

Пока шли, а идти туда было ещё дольше, чем в курилку, я посвятил его в свой секрет.

– Есть такая психологическая концепция про «третье место»...

– Да, что-то слышал, – наедине Василий заговорил громче и увереннее.

– Я предпочитаю называть это «личное место». Это не работа и не дом, а часть пространства, где ты любишь находиться, отвлекаться, в общем-то, личным образом жить.

– Ага, как у меня курилка.

– Ты немного неправ. Курилка – это видимость твоего личного места. Видел же, ты не можешь там расслабиться. Для тебя и ребят это просто... курилка. Не про душу, и даже не про тело.

– Мне совсем интересно. Это что, где-то у нас? Раздевалка? – Василий повеселел.

– Ну не раздевалка, но... Увидишь.

Я ускорил шаг, он тоже.

– Кстати, у меня сегодня всё-таки последний день! – сказал буднично Кондратенко.

Я попробовал остановиться, но он подтолкнул меня.

– Ничего не говори!

Мы пришли в тупиковый коридор. Он поначалу замер в недоумении. Дальше я повёл его к мало кому известной лестнице вниз. Раньше там был вход в подвал (под зданием скрывалось несколько этажей), но уже давно в ещё более секретные помещения, чем наши, сделали лифты, а двери заварили и покрасили.

Чем ещё было хорошо это место – за первым, видимым пролётом, за поворотом располагался второй, невидимый. Как раз этот тайный кусочек и был уже последние два года моим личным местом. Многократно отражённый свет долетал сюда в настолько малом количестве, что в пространстве можно было разглядеть только силуэты.

На этот раз я включил фонарик на телефоне, чтобы Василию было не так дискомфортно. На одной из ступенек лежала сидушка от древней столовской табуретки. Я жестом предложил ему сесть, полковник последнего дня отказался (такое звание только на одно сегодня я из уважения присвоил ему внутри себя). Тогда я сел сам – это было атрибутом ритуала. Кондратенко пощупал стену на предмет возможности испачкаться – та действительно пачкалась. Он, помахнув рукой, прислонился лопатками.

Стоило, скорее, помолчать. Я навёл фонарик на дверь и показал ему на вторую после сидушки, не считая собственно наличия этого тупика, местную достопримечательность. На железной, заваренной и покрашенной в тон стенам в салатный цвет, двери просматривалась старинная нацарапанная надпись крупными буквами: х**. Это вечное и многосмысленное послание – очевидно, у автора и каждого из читателей было своё понимание – сопровождало нас. Играя в каждый период своими красками, иногда умолкая, но пребывая с нами, даже в покрашенном виде, постоянно.

«И вот, по прошествии семнадцати месяцев и семи дней ковчег остановился на величайшей из гор араратских. И после того, как третий голубь вернулся с оливковой веточкой в клюве, Ной распахнул двери ковчега и вступил ногой своей на траву, распростёр руки к солнцу и громко произнёс: «Асса!». Это и было единственное, донесённое до нас из тех допотопных времён, слово. А вместе с ним нам передалась их сила и чистота», – я произнёс эту довольно длинную цитату из фильма «Асса» с рабочей монотонностью, но каждый из нашего поколения, конечно, знал оригинальное звучание.

Этот текст лёг и закрепился у меня в памяти с первого раза. Как будто этот необычный заход, а кино начиналось именно с этих слов, открывал портал в другой светлый мир – собственно в то время это так и было. Только в личном контексте требовалось одно уточнение – вместе «их сила и чистота» следовало иметь в виду «его сила и чистота».

Это моё личное место никак не получалось наполнить каким-либо иным смыслом.

Про «стать святым», слава Богу, я не стал рассказывать – это было бы слишком.

* * *

(Системе мало выполнения задач и лояльности – ей необходимо наше постоянное унижение и поглощение души. Пожирание души – можно не сразу, даже лучше малыми долями,

растягивая направленное ею вовнутрь себя удовольствие. А поскольку система не способна на удовольствие – точнее будет, удовлетворение.)

* * *

Вечером Василий ушёл, не прощаясь, я не сразу заметил его отсутствие. В раздевалке он оставил форму в своём шкафчике, не заперев его.

Я остался на службе ночевать. Семье просто сказал, что так надо. Оставания не приветствовались, но запретить их тоже было нельзя. Спать лёжа не разрешалось, с диванчиков в коридорах справедливо гоняли. Для этого дежурные офицеры и «контрабасы» делали периодические обходы. Сколько нас осталось на ночь, было непонятно – люди то уходили, то приходили. Я просидел на рабочем месте, пытался читать стихи (в последнее время мне требовалась такая доза ежедневно), потом в полуобморке то дремал, то бодрствовал. Кофе не помогал.

Утром надел полевую форму – моя повседневка висела дома.

Про прямой эфир в этот день с нашим генералом я не знал. Телевидение было у нас частым гостем, поэтому все спокойно работали, единственно, старались не разговаривать и не ёрзать.

Когда он начал уверенно докладывать об обстановке (начальник был всегда, независимо от графика и реального самочувствия, огурцом), я подскочил, стремительно ворвался в кадр и закричал, подняв руки: «Это всё пропаганда! Я не боюсь! Я не боюсь!».

Меня быстро повалили на спину, прижали к полу. Генерал невозмутимо продолжал.

Перед своими я по-настоящему не сопротивлялся, а только обозначал грань свободы, необходимой для дыхания. Большинство смотрели на меня с пониманием, даже те, кто прижимал меня коленями книзу.

Когда через несколько минут эфир закончился, меня отпустили, дали подняться. Все вернулись к мониторам и продолжили службу.

Пастушок

Наловить рыбы тоже получилось, но гораздо интереснее оказался улов иного рода, улов одного человека. Этой странной удаче не предшествовали никакие приметы или знаки. В жаркий степной день мы небольшой компанией собрались на рыбалку на местные пруды. Нас, городских, оказалось четверо – вместе со мной ещё одноклассник Александр и муж его сестры Олег (тоже, оказывается, зять) с двенадцатилетним сыном Димой.

Долго собирались – пока купили червей-опарышей, запасной мелкой снасти, воды-вина; пока съехались, и мужчины ворчали «лучше бы поспать». Но длинные дни середины июня пропускать было нельзя, душа просилась на природу и карася, пусть пока небольшого. Я про себя, как обычно, досадовал, что наша река слишком хитромудрая: взять рыбу там с разбега не получается – и приходится чередовать окрестные пруды и озёра. Благо, таковых в округе много.

Философский спор про куда ехать тоже чуть затянулся. Пытались созвониться с авторитетными рыбаками, но те уже были вне доступа. Возможно, с утра забрались на дальние водоёмы или продолжили отмечать длинные выходные. Я предположил, что всё вместе. А почему нет?!

Решили поехать на новое место: по слухам, там клевало. Я этому порадовался – в копилку впечатлений добавлялись другие поселения, ландшафты и люди. В недолгом, минут в сорок, пути я нашёл местный инфоресурс, чтобы узнать о территории. Название «Коммунист» выглядело уже ненужным реверансом к истории. Получается, новых смыслов за долгие новые годы создать не смогли, а архивные ценности не выдерживали требований времени и не звали никого не то, чтобы в будущее, но даже не крепили людей с настоящим. Уверен, большинству жителей этого села это в общем-то яркое и необычное слово ничего не говорило. А только обозначало какое-то светлое продолжение неопределённого подсолнечного бытия.

Мои слова нашли приятное подтверждение в том, что за всё время наших блужданий в поисках целевого водоёма по развилкам Малосемёновки, мы встречали только детей. Я отметил про себя, что это хорошо – вот бы были такие деревни и города из одних детей. Тогда там было бы исключительно хорошо. Ребяшня точно не знала слова «коммунист» – тем более, в летних детских игровых хлопотах и ватагах они забывали сами себя, а жили для чего-то общего. Я за них помолился, хотя, будучи выходцем из прошлых времён, не знал ни одной молитвы. Помолился без слов, смыслом. Чтобы им досталось полного для их возраста счастья, чтобы детство не укоротилось никакими грозами.

Особенно хотел нам помочь почему-то лысый, лет пяти, мальчик. Когда мы проезжали через главный перекрёсток уже в третий раз, и он вновь обозначил своими телодвижениями сочувствие нам, заблудившимся, нельзя было не остановиться. Пацан сбивчиво, при поддержке дюжины сотоварищей, показал нам поочерёдно во все стороны. Мы ничего не поняли и взяли радиус поиска шире. В итоге потом оказалось, что пруды и речки без течения есть реально на каждом направлении.

Поиски меня уже занимали не меньше их цели – раз за долгие годы я поймал себя на том, что не обращаю внимания на время. Но ненадолго. Скоро причина отсутствия взрослых стала ясна. Всё население собралось у местного присутствия – за многолюдностью вывеска заведения была не видна. Что это было за здание, я так и не понял. Несколько десятков человек сгрудились вокруг чего-то посередине, стояли, плотно прижавшись друг к другу – сплотившись как ни при каких других обстоятельствах.

– Мы провожаем в последний путь нашего земляка, героя... – доносился из середины гулкий голос, – ... Таких в нашем регионе за три месяца уже семьдесят... За ними их семьи, матери, жёны, дети... Кто-то ушёл совсем молодым, не успев обзавестись семьёй...

Мы проехали мимо, замедлив скорость. Некоторые на нас неодобрительно оглянулись, но решили нас простить, как непреднамеренных свидетелей.

Я отметил про себя, что очень гуманно со стороны местных не брать с собой на церемонию маленьких детей. Пусть такое проходит, их не касаясь.

Оркестра или какого-то одинокого музыканта тоже не было. Скорее всего, их за ненадобностью не проживало в небольшом селе, а районные власти прислать не догадались. И к лучшему: и без того переживания родственников и тягостные воспоминания друзей или знакомых с мужчиной людей, если бы сопровождалась погребальной музыкой, наносили бы более жестокие и долгие раны в памяти.

Вот только отсеялись, окончили посевную, отдыхать бы да праздновать – ан нет, принимай тут такой отсев, человечий.

– ...вам надо гордиться... – прорвалось до нас с ветряным валом.

«Горевать и гордиться – единый зачин у слов, – подумал я невпопад. – Но, очевидно, всё же это не однокоренное».

А в переживаниях родичей то и другое сливается, именно сейчас сплавляется и застывает – у каждого в своё – в огрубелое, чаще в бесформенное нечто, в памятный знак, в слиток, который придётся нести за парня. Как отмерить доли в этой амальгаме?

А в это время в природе, в степном безграничном пространстве одномоментно соседствовали мощное, как будто многократно умноженное в жару, солнце и лёгкие безобидные облачка, и сизые, копящие силы для ливня тучи; ветер и безветрие, пашня с бодрыми свежими ростками и луга с частично сгоревшей травой.

Наш парнишка, Дима, наверное, не обратил внимания на событие – он отвечал за навигацию, вёл нас по карте в смартфоне. Ну и хорошо!

– Вот здесь направо, там через пару километров два пруда, они просто в низине, не видно.

Такой компанией мы выехали не первый раз. Пусть даже за лето получалось выбираться нечасто, но то, что уже образовалась своя традиция, было определённо.

Я открутил пробку на литровой бутылке вермута, отпил сам и передал на заднее сиденье Олегу.

– О, интересный вкус. Как, говоришь, называется?

– Вермут.

– Надо запомнить.

Сладкое лёгкое вино оказалось на сегодня наилучшим вариантом: меня переключило, настроило на позитивные ожидания.

– Только кончился икромёт, скорее всего, рыба ещё болеет, – Александр, бывший за рулём, успевал управлять, курить, крутить радио, принимать информацию от штурмана и проводить для нас рыбацкую экскурсию.

Все эти атрибуты местных экспедиций нравились мне наравне с самим процессом ужения. Даже притом, что результат был через раз.

– На Красном из-за большого разлива сложно подобраться к нашему месту. Снега было много – высокая вода, – Александр разъяснял нам свою стратегию, которая необходима даже в таком несложном деле, как выезд на рыбалку, не говоря о более серьёзных движениях.

К слову, он мой первый лётный инструктор. Когда он учился на лётчика военно-транспортной авиации, а я был в другом училище и приезжал на малую родину в отпуски, я однажды, надев отцовскую техничку, приехал к ним на аэродром и летал с ними на Ан-26. Пустили за штурвал два раза, минут по десять. Классно! Другой мир. Сейчас от лётного училища почти ничего не осталось – сквозь плиты на плацу трава в высоту на полметра.

– Никого нет – значит, нет клёва.

– Не факт.

– Ну всё равно уже приехали.

– Мы здесь в прошлом году были – шансы есть.

В этих рассуждениях происходила наша настройка на местности. Мы пытались прочесть водоём, где какой склон, камыши, усынки, где вероятнее скопление карася. Я всё хотел поймать какую-то другую рыбу, и было известно, что другие виды тоже есть и в немалом количестве, но пока удавалось редко. Однажды, правда, поймали речную черепаху – выпустили, конечно.

Мы вышли осмотреться. Заметили почти на горизонте смешанное стадо коров с овцами. Пока курили и осматривали берега, стадо на удивление быстро приблизилось. Часть животных безоглядно бухнулись в воду и застыли, остывая, часть замерли округ. На наш взгляд, взгляд городских жителей, пастухов было больше необходимого – пять человек, трое на лошадях. Они передвигались тоже весьма активно, казалось, даже не обращая внимания на зной.

– Вы на рыбалку? – к нам подъехал на коне пастушок, шустрый чернявый парень.

– Да, привет!

– Добрый день! Я вам подскажу. Именно здесь клёва нет. Надо чуть дальше.

Никто не ожидал такого обхождения. Помощь местных самое лучшее в таких обстоятельствах.

– Сейчас рыба пока не выросла, но её много.

– Сами ловите? – спросил я скорее из вежливости.

– Да у нас этой рыбы...

Было заметно, что пацану не хватает общения.

– Давайте я вас провожу. Езжайте за мной.

Он почалил вокруг усынка, периодически оглядываясь, успеваем ли мы за ним.

Стадо пока замерло вокруг воды и требовало меньше внимания. Остальные пастухи вразнобой ходили и сидели по контуру. Их застывшие в монотонности труда лица не выражали ни радости, ни усталости – вероятно, они выработали свой устав почасового проведения времени, не позволявший крайностей. Наверное, они периодически успевали получать от работы удовольствие.

Мы проехали с полкилометра и стали рядом с таким же берегом.

– А в чём здесь разница? – спросил Александр пастушка.

– Я не знаю. Просто рыбы больше. Может припёк другой, или своя какая-то глубина. Не сомневайтесь.

Мы стали разворачивать снасти.

– Кстати, это не пруд, а река. Просто короткая и на пологом – поэтому даже течения незаметно, – рассказал по-взрослому Дима. – Река всего пятьдесят километров.

– Да, удивительно, – меня это взаправду удивило.

Расположились мгновенно: все соскучились по рыбалке и природе. Закинули удочки – сразу пошло на опарыша. Белый, небольшой, но упитанный карась. Красный карась давно по неясным причинам исчез.

– Вот, я же говорил! – пастушок появился словно ниоткуда.

На коне он перемещался как по телепорту. Я даже стал пугаться его таких появлений.

В этот раз его явление было неспроста и вовремя: нас, точнее, машину захотели атаковать бычки. Стадо вдруг волной подкатилось к нашему месту и, ещё бы чуть, могло помять или спихнуть машину.

– Хоп-хоп-хоп! Помогай! – пастушок закричал соратникам, сам объехал стадо сбоку, селяне защелкали кнутами, и стадо развернуло в сторону.

Я почувствовал, что сделать это было не так легко, как выглядело. Стаду мы показались чужаками и угрозой – такое часто бывает и у людей, и скотина могла повредить нам просто так.

Увлечённые рыбалкой товарищи не особенно обратили внимание на эту скрытую драму.

Пастушок вернулся.

– Спасибо! – сказал я.

– Не стоит! Обычное дело.

Он спешился, оставив коня бродить самому по себе.

– Тебя как зовут? – надо было отметить нового знакомца.

– Эльвин.

Мы пожали руки.

– Сколько тебе лет? Пятнадцать?

Парень реально выглядел зрелым.

– Не, двенадцать.

На эти слова с удивлением повернулся Дима, которому было столько же.

– Давно в пастухах?

– Давно. Каждый год. Мне нравится. От этого же нельзя не получать удовольствия?!

– Наверное, да. Привычка нужна, – я «примерил» на себя эту роль, решил, что и я смог бы.

– А вот не все тут могут, – парень высокомерно впристрелку оглядел собратьев и вдруг закричал. – Сапог! Сапог!

Ближайший мужчина, хоть и по жаре, но в куртке, вздрогнул, потянулся в нашу сторону. Небритый и с утра выпивший, он подошёл и остановился метрах в десяти, молча, даже не поздоровался.

– Смотрите, это Сапог. Самый ленивый. Он даже книги по-особому читает – отрывает прочитанные листы, чтобы не запоминать место, где остановился. Да?! – голос пастушка вдруг стал металлическим, со скрытой угрозой для собеседника.

Мужчина глупо заулыбался, достал из кармана потрёпанный покетбук, показал в воздух книгу, действительно с вырванными листами.

– А почему ты с ним не по имени? Он же сильно старше, – мне весь эпизод сильно не понравился.

– С кем? С ним?

– А сам-то читаешь? – я взял немного оборону за обижаемого.

Конь вдруг прынул вокруг себя, наверное, от слепней. Наездник его быстро осадил.

– Зачем мне читать?! – по-взрослому усмехнулся мальчишка. – У меня даже телефона нет!

В этом стремлении во всём показаться и в каждом присутствии и отсутствии выпятить чаще надуманную честь он выделялся среди всех мне не только знакомых лично, но и известных и когда-либо бывших людей. Ни я, и, полагаю, ни Дант не смогли бы предложить для него точное место в кругах или куцах. «Готовый депутат!» – скажет потом между нами своё наблюдение его ровесник Дима. «Интересно, какие обстоятельства привели к такому состоянию, скорее не ума, а души?» – думаю я до сих пор. Я совсем забыл про рыбу, периодически Олег вытаскивал улов с двух рук, что его особенно радовало.

– Залезаем купаться! – приказным тоном обратился вновь к человеку Эльвин.

Тот стал послушно раздеваться, правда, Эльвин тоже. Они оба прямо по месту наших забросов прошли в воду, как будто не было вариантов рядом.

– Плывём на тот берег! – пастушок уже не выключал командного образа.

Двигались пловцы быстро. В нашей компании ребята не сильно удивились этим обстоятельствам, скорее, не подали вида.

– Хей-hey, – покрикивал в пути пастушок. – А Сапог он потому... – пояснение растворилось в расстоянии.

В конце Эльвин рассмеялся, подплыл к спутнику и стал его в шутку топить.

В эти минуты я решил для себя ничему сегодня больше не удивляться и сохранять спокойствие.

Подъехали и подошли другие пастухи. Опять-таки молча. «Робеют городских», – решил я.

– Похоже, будет дождь, – сказал я в воздух. По юго-западному краю набегали тучки.

– Будет, – через паузу сказал один из пастухов, – но стороной пройдёт.

– А как видно?

– Ну, я не могу объяснить. Вот, Эльвин, точно объяснит, – оба в усы засмеялись. – Всё знает, всё умеет, шельмец!

– Отставить смеяться! – из воды закричал пастушок.

Меня передёрнуло: «Как он имеет над ними власть?!»

Эльвин выскочил из воды, стал как-то странно ходить кругами и подпрыгивать. Щуплый и дёрганный, он был смешон, но мужчины его почему-то боялись и умолкли.

– Сапог! Чего отстал! Будешь чистить картошку!

Тот вылез, ноги в тине, трусы ниже колен.

– Ну и буду! И чего! – мужчина говорил тоном ребёнка, не обижаясь, а просто признавая своё подчинённое положение.

– А что стадо оставили, ничего? – спросил я всю компанию новых знакомцев, про которых я как будто уже всё понимал и знал их не меньше пары лет.

Между нами не возникало никакого опасения или напряжения, как при встрече местных с приезжими. Им не жалко было ни степи, ни солнца, ни рыбы – я от всей нашей компании выражал им реальное уважение и был открытым. У меня, как деревенского потомка по бабушкам-дедушкам, было внутреннее стремление соотносить себя с полевой жизнью, хотя бы психологически быть способным органично встроиться в малосемёновские будни, пройти с ватагой молодёжи да с песней по порядкам Малой Грязнухи... (Порядок – старорусское наименование улицы, Малая Грязнуха – деревня бабушки по материнной линии в Прихопёрье.)

К стаду. Животные откочевали на удаление в полкилометра, но оставались в кучном положении. Две собаки ровно лежали по бокам гурта, периодически поднимая голову и оглядывая хозяйство.

– Ничего, – ответил один из мужиков. – Никуда не денутся. Нас не боятся, а вот Эльвина да. А нам с ним спокойнее.

Купальщички наполовину оделись и подтянулись к нам.

– Вода прямо горячая, не остужает! – поделился Эльвин.

– Да в целом пора горячая! – непонятно про что попытался пошутить Сапог, и уже не Эльвин, а сами мужики на него зыркнули.

Я не знал, про что спросить, и тоже неловко выступил: «А на сбор, который сейчас идёт, чего не пошли?»

– Ну, надо же кому-то коров водить! – резонно сказал самый старший, наверное, мой ровесник, но в дремучей бороде и в целом в дедовском образе. – Наше сельское дело нельзя ни на день бросить. Вот бы к нам сюда бойцов, не туда!

– Ну, я их туда не посылал!! – зачем-то закричал Эльвин, который в это время надевал майку, но не мог не поучаствовать, а через мгновение вынырнул из выреза горловины с перекошенным лицом.

– А кто их туда посылал?! – так же громко, не поворачивая головы от реки, сказал Олег. (Потом он на обратном пути расскажет, что в тот момент очень захотелось дать товарищу ..., а Олег может).

Хорошо, в это время залаяли собаки: в стаде началась небольшая свалка. Пятак коров пихались друг с другом, вовлекая в коловращение других.

– А, снова Брыкуха чудит! Я сам.

Эльвин вскочил в седло.

– Кнут забыл! – крикнул вдогонку ему Сапог.

– Я так.

– Всегда в стаде есть буйная скотина. Стараются перетянуть на себя! Непонятно зачем. Не может по-другому! – скороговоркой отчитался извинительным тоном младший среди старших, и мужики быстрым шагом пошли следом.

Через минуту пастушок на коне врезался в гущу рогатых, но безобидных животных. Поднялась пыль, мычание и блеяние стали громче, шум умножился собачьим лаем и человеческими криками. Даже рыбаки отвлеклись от поплавков. Пастушеское сражение, а потом наказание стада продолжалось и продолжалось.

– Смотри-ка, его даже коровы слушаются! – сказал Александр сквозь сигарету.

– Прямо шайтан! – подтвердил я.

– А место хорошее показал! – похвалил Эльвина Олег.

Тучки приблизились к нам, тоже сгуртовались, плыли в неопределённом направлении, верно примечали, куда им лучше пролиться. Вялый гром без молний предвещал сухую грозу – я такие не люблю, уж гроыхнуть так гроыхнуть. Стало свежее, уже хорошо. И сразу, по краю степи, не намечаясь задевать нас, начался дождь.

– Интересно, в кого человек вырастет?! – начал рассуждать я, обращаясь к природе, сначала вслух, потом про себя. – К чему стремится? Почему не ценит людей? Даже не то, чтобы ненавидит, не любит и, видимо, не полюбит. От какой нелюбви порождается такая агрессия? За какие пределы готова она выплёскиваться? И похоже, она нескончаемая, за одной волной сразу приходит другая... Зачем такое?!

Вспомнился Сэлинджер: «Я себе представил, как маленькие ребятишки играют вечером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышей, и кругом – ни души, ни одного взрослого, кроме меня. А я стою на самом краю скалы, над пропастью, понимаешь? И мое дело – ловить ребятишек, чтобы они не сорвались в пропасть. Понимаешь, они играют и не видят, куда бегут, а тут я подбегаю и ловлю их, чтобы они не сорвались...».

Здесь же я видел прорастание другого – что, стоя на таком же краю, толкает человек в пропасть коров и овец, всех, кто попадает под руку. Тех, кого миновала ловушка, он догоняет, ловит их и сталкивает с края. Даже рискуя сорваться сам, быстро и неустанно двигается – когда пешим, когда на коне – сваливает тысячи и тысячи вниз!

Умаление фенечки

Я счелъ нужнымъ сказать всё это потому, что мнѣ придется говорить сейчасъ о такихъ деликатныхъ вещахъ, на которыя нечистъ обыкновенно накидывается всегда съ особеннымъ усердіемъ, извращаетъ смыслъ словъ, фактовъ и выводовъ, заключеній, и надъ безсовѣстно оклеветанной жертвой-книгой, вопіетъ анаѳему или, по мѣрѣ усердія, даже подлаживаетъ подходящія статьи уголовного кодекса.

Конечно, со вѣмъ этимъ пока ничего не подѣлаешь – ея время и она, нечистъ, это знаетъ. Никакія оговорки отъ нея не спасутъ, но я и пишу эти строки не для огражденія себя, а для читателя, къ которому обращаюсь съ усердной просьбой, никого не слушая, повѣритъ мнѣ, что кромѣ самой искренней и строгой правды я ничего не положилъ въ основу этихъ очерковъ...

Сергей Терпигорев, роман «Оскудение»

Рассказ-повесть

Полное название, так и хочется сказать «сего», рассказа задумывалось как «Умаление фенечки (заветной)», но, поскольку смысл развёрнутой формулы станет понятен в ходе его прочтения, заглавие останется кратким и, дай Бог, закрепится в памяти совсем как «Умаление».

Во-первых, стоит пояснить значение этого ключевого для нынешнего текста слова. Его можно встретить в наиболее распространённом и практически единственном живом хождении в сочетании «умаление достоинств» – тогда оно становится интуитивно понятным. Само же по себе слово уже не встречается, между тем, эти явления, умышенного или по обстоятельствам принижения-уменьшения, растут и множатся, день ото дня, век от века.

(Некоторая невольная попытка аллитерации «же – уже – между», конечно, не самая яркая и уступает в моём личном рейтинге пока малоизвестной вершине «Жизненная жижа хлынула наружу...» – из рассказа «Приступы мозга» Олега Золотаря в Дзене «Русского Динозавра» от апреля двадцать второго, – но, тем не менее, служит задаче вызвать отторжение нетерпеливых читателей. С определённых пор я выставляю в начале своих текстов небольшие редуты из необычных слов и смыслов. Это происходит неосознанно. Я сам не сразу понял эту скрытую потребность в диалоге общаться с подготовленным или старательным читателем, что на глубинном уровне обусловлено потребностью в проживании жизни посредством более индивидуальных ситуаций, частного уникального опыта, избегания, по возможности, механистичности, рутинного обесмысленного бытия.)

Для завершения «строительства порога» и затянувшегося предисловия хотел бы отметить, во-вторых, очень говорящую фамилию автора вынесенного в эпиграф отрывка. И в-третьих, рассказ является главой, частью романа, связанным с сюжетом косвенно и как дополнительное повествование, призванное оттенить основное действие. При этом, будучи частью в середине, от неё развивается действие и в начало, и в конец книги. Как у любого плодovitого творения потенциал цветения и рассеивания семян не ограничен сторонами, так воистину живое распространяется без ограничений.

Итак.

Новоизбранный апостол Матфій подумал, что, может быть, стоит оживить Иуду. Пока переданный ему на хранение инструмент – на самом деле ни он, ни я не знали и не знаем,

как это правильнее называть – воскрешения существовал без использования. Хранился для будущих времён и достойных обстоятельств. Но искушение было велико!

Остановила такая мысль, что ценности в жизни для воскрешённого не будет. Как не было её уже последние годы. Даже не потому, что человек бы продолжал мучиться своим грехом, но по итогу своей долгой тихой подготовки к смерти после определённого возраста. К такому приходили очень многие – от наблюдения горестей и гибели вокруг. Если даже самого Матфия всё чаще посещало предощущение, кстати, не горестное, а в половине случаев светлое, как естественное и необходимое.

Матфий стыдился таких мыслей и ощущений: те проходили не под знаком предстоящей встречи, а как животное переживание, такое же, как жажда. Ты можешь думать или нет об окончании земного пути, утолять жажду в молитве или обходиться без этого – присоединение к братьям не то, что помыслено, оно уже состоялось в Небесьи (как странно, что в новообразованном слове по аналогии с «поднебесьем» само собой, и неумышленно, всплывает второй смысл – «нет бесов», «где нет бесов»; тот случай, когда подброшенная монета встаёт, а можно сказать, и ложится, на ребро).

И да, новый апостол решил определить для себя такой водораздел для воскрешения или исцеления: достоин ли человек. Долгие часы он измерял эту формулу, пока делал тканый браслет из одежд Спасителя. Матфий оторвал небольшой кусок льняной ткани от плащаницы после снятия с креста. Чтобы её не отобрали, в каком-то ведомом состоянии решил распустить лоскут на нити и сплести из них наручную повязь. Как окажется впоследствии, это очень помогло для более длительного сохранения реликвии и для большего числа воскрешений – каждый раз требовалось оторвать часть нити и вознести её долу. Понятно, что ценность жизни в разные времена была разной, но жертвование частью божественной нити скрепляло времена, задавало мерило вечности.

Спасение от недугов было по такой же цене – в высоком смысле, перед лицом Христа смерть числилась как крайний недуг, в том числе, случайная гибель. Хотя Матфий был с таким не согласен и так до конца этого не принял. Особенно сложно было при выборе между исцелением или воскрешением людей – сколько раз апостол делал это, ни он, ни кто другой не считал – он жалел череды своих преемников, будущих владельцев повязи. Рано или поздно им придётся зримо познать умаление ткани вечной жизни, выбирать всё тщательнее, отстраняться от своих порывов, не воскрешать себя. Про не воскрешать себя Матфий решил сразу – можно было кого-то попросить или придумать способ самовоскрешения, но делать это было глупо, нечестно – бессмысленность стремления воплотить себя в не принадлежащем тебе времени выходила за всякое божественное и человеческое. А он и, как окажется навсегда, все остальные носители реликвии не могли отказать себе в божественном назначении оставаться людьми.

Первый владелец повязи твёрдо знал, что в дальние времена люди придумают такое изобретение, которое уже не потребует воскрешений. Что-то на уровне открытия (для себя) огня и изобретения колеса. Матфий видел такое в бесконечном волшебстве воды – возможно, это будет новое её состояние, соединение стихий, даже, как вариант, с огнём. И тогда каждый сможет прибегнуть к её помощи, пусть не постоянно, а несколько раз за время жизни и становления детей. Для такого не жалко никаких сил и в случае, если потребуется шествие на другие звёзды, создание там новых тварных существ и состояний.

В итоге всё сможет превозмочь вселенская гордая скромность – это великое, непрогнозируемое сочетание позволяет соизмерить себя и каждого с вечным. Гордая скромность значит последовательное, спокойное, достаточное, неотделимое и невозможное к присвоению, пребывающее в безграничных глубинах истины взыскание града. Слитое воедино, сподвигающее, неиссякаемое...

В исцелённых и воскрешённых есть такой момент, когда чувство гордой скромности становится зримым, проявляет себя каким-либо знаком или символом, например, стигматами.

Тогда это знак для совершающего благое действие – сделано правильно, «пребудете вместе со мною». Символы апостол замечал и познавал не всегда, но знание, что они проявлены, служило пищей. И в сытые, и в любые другие дни и времена.

Несколько раз Матфия на его путях грабили разбойники – однако, никто из них не посчитал ценной невзрачную повязь. В такие ночи апостол плакал от счастья, слёзы падали на чудесные нити, но не могли замочить их.

* * *

Так же, как и слёзы обладателя реликвии через две тысячи лет со странным прозвищем «Домысливать». Именно как глагол. Для узкого круга и для нашего с вами удобства – «Дом».

Поводом к плачу становилось истончение жизненной ткани людского мира, не повязи, к которой он относился как к необходимой обузе, как к невыносимой для себя ответственности. Но тот, кто передал ему этот предмет, рассказал о нём не всё. Его предшественник и сам не знал многого: за столетия канва божественного знания истёрлась.

Сам Домысливать боялся ещё не так передать знания. Он давно начал общаться с окружающими обрывочными фразами. Мотивом было благое помышление, что люди его понимают и сопереживают, и способны додумать смысл его слов самостоятельно и, возможно, в более счастливом и светлом значении. Со временем, наблюдая разную реакцию, человек не расстраивался, считая это частью жизни, атрибутом бытия, таким же как в дороге пыль или ветер.

Но более всего хранитель боялся, что повязь может быть использована как оружие. Поэтому, когда он переводил людей через линию соприкосновения, в обе стороны, не различая формы и принадлежности, – единственным условием было отсутствие оружия у его спутников. Дом никому не рассказывал о себе и своей сокрытой миссии. И без того его считали чудачком – и к лучшему.

Начиная с весны двадцать второго его хождения стали крайне опасны, но на этой земле Дом был свой, тем более пошла «зелёнка», спрятаться становилось легче. Единственно, пришлось сокращать группы странников – к осени он стал переводить не более пяти человек за раз. При большем числе оказывалось сложно оградить людей от гибели. Для себя он вывел скорбную формулу: «два похода – одна потеря». В этот раз группа была маленькая (трое: две девушки и парень, около двадцати), но самая странная из всех. Как выяснилось, туристы войны.

Вышли в ночь на понедельник – после первой дюжины километров Дом сделал привал. Присматривался к ребятам. В начале даже не стал на всякий случай знакомиться. Провожатый повёл группу вдоль линии недавнего соприкосновения, хотя, возможно, она сдвинулась. Но взрывы ходили на привычном удалении – пока гостям бояться было нечего. За себя он давно не боялся.

– Ищем ложбину! – он говорил твёрдым голосом. Чтобы никто не смел отступать.

– Не рано привал? – спросила бойкая девушка.

Он заметил за ней в упругой походке заводилу, скорее всего, инициатора похода.

Дом просто посмотрел на каждого из них.

– ...

– Мы поняли, – парню предстояло привыкать к роли маленького миротворца, но специальных поводов к разногласиям не было.

– Разведём огонь. Если не голодные...

– Да, есть пока не будем. И запасов мы много не брали. Ольга, – вторая девушка протянула руку для пожатия.

Дом чуть коснулся её ладони: он старался избегать тактильных контактов, чтобы потом не вспоминать человека в обострённом ключе, когда того могло не стать. Свойство запоминать

соприкосновения оказалось ещё одним в череде передаваемых по линии хранителей. Так каждого из нас не только знает, но и чувствует Господь.

– Меня вы...

– Да, знаем! Я Света, это Роман. Мы все друзья, вместе учимся. Хотя какая сейчас учёба.

– Где расположимся? – Роман мог, но пока не проявлял инициативы.

Домысливать промолчал, давая ребятам выбрать место самим. Удачных рядом было два, и группа верно выбрала замусоренную битым кирпичом площадку у торца расстрелянного здания. Остатки стены маскировали их расположение.

Все, не сговариваясь, сбросили тощие рюкзаки и пошли округ собирать дрова. Оконных рам было много, их хватило бы на долгий костёр.

Роман стал очищать углы рам от стёкол, но Дом остановил его.

– Поранишься. Не надо! – сказал он полностью.

– А как в таком походе без ран?! – голос Светы прозвучал громче необходимого, Дом пока не привык.

– Ну, ещё успеем! – Ольга, наверное, тоже раздражалась от самоприсвоенного подругой первенства.

Огонь занимался постепенно, как будто прислушиваясь к пространству, нет ли для него каких опасностей. В обычных обстоятельствах пламя разгоралось мгновенно, даже чуть театрально, немного тлея, а потом вспыхивая по всему контуру дров. Сейчас стало всё по-другому.

– А всё-таки как вас зовут? – Роману действительно был интересен новый сталкер, вероятно, он даже пытался примерить такую роль себе на будущее.

– Не надо! – Дом отодвинулся от огня, опасался за повязь, в готовности мёрзнуть.

В вылазках у него включались другие, животные механизмы – он мог не пить и не есть сутками, отдыхать к коротким паузы, не пригибаться под обстрелами.

Чтобы совсем не дичиться, Домысливать сказал вслух:

– А вы знаете, что слово «воскресение» от «кресать», зажигать огонь, становиться огнём?

– О, интересно, не знали! – ответила за всех Ольга.

Их тур начинался нетривиально, каждый из туристов отложил любопытный факт в сундук впечатлений.

– Вот, получается, мы кого-то виртуально воскресили! – радостное возбуждение всегда сопровождало начало путешествия.

Дом кивнул, стараясь выказать одобрение действиям и словам гостей.

– Мы готовы на несколько дней, десять-двенадцать, даже в один конец. Там мы выберемся.

Неопределённые цели и границы не нравились проводнику, но приходилось мириться: по опыту, превозмочь дурную энергию первоначального намерения было практически невозможно! «Горе не знающим границ и пути!» – неслышно прошептал Домысливать.

– Главное, чтобы дошли, – сказал проводник уже вслух, без интонации. Так он настраивал людей к готовности принимать опасность.

Дом уже был за границами статистики: четвёртый поход все живыми.

– Мы опытные туристы. Много где ходили и лазали. И эта идея нам пришла, кстати, по-трезвому.

– Я ничего и не подумал.

С приходом темноты стали носиться летучие мыши – самое неприятное было их неожиданное появление. Постепенно животные становились наглее, приближаясь в полёте с неясными намерениями.

– ... внимания. Читайте это...

– Мы поняли, частью программы!

– Девочки, давайте без нашего сленга, – попросил Роман; его порог чувствительности был много ниже.

Дом одобрил.

– Кстати, про воскрешение. Ведь не только Христос воскрешал людей? – Светлане искренне захотелось дознаться до самых основ.

– Не только. Исцеление от сильных недугов, кстати, тоже похоже и того же свойства.

Молодёжь удивила полная фраза Дома и его уверенность.

– Откуда вы знаете?!

Проводник уже чуть устало взглянул на девушку. Ребята с двух сторон руками попробовали остановить напор товарища, но та, как будто в игре, вскинулась и поочерёдно затискала ладонями и телом Романа и Ольгу. Детская игра пришлась туристам по вкусу, Дом тоже внутренне её одобрил. Он бы и сам влился в эту ватагу, но пока эти миллениалы были малознакомы – могли не понять. К слову, возраста Дом был неопределённого, в силу худобы его сорок плюс могли сойти и за тридцать.

«Бу-бум! Бу-бум!» – раздалось вдалеке.

– Если к нам прилетит – мы не услышим! – проводник привычно повторил эту фразу.

– Да, мы знаем.

– Откуда?! – поддержал игру Дом.

Все дружно пожали плечами: сейчас такое общеизвестно.

Было теплее, чем ожидалось, на небе в разрывах облаков обозначились самые яркие звёзды.

– Кстати, мы ребята стреляные – постоянно в тир ходим!

– Хорошо! Берегите...

– Силы?

– Да, силы, и себя. Не спешите, – Дому с этой группой было сложнее, их мотив был не только добраться в «точку В», причём неопределённую, но и хватить впечатлений. – Про «стреляные», знаете главный принцип? «Не вижу – не стреляю», в нашем случае это «не вижу – не иду, и даже не думаю идти!»

В это же мгновение к одной из летучих мышей метнулся особенно высокий язык пламени и полностью обжёг зверька. Тот рухнул, истощно заверещал, затрепыхался. Домысливать подскочил, на ходу крикнул всем «отвернитесь!» и с наскока одним разом затоптал божью тварь. Это было необходимо!

Затем ногой отбросил тельце в тёмную сторону.

Такие странные совпадения встречались при переходах постоянно. Благо, Дом не трактовал их как знаки, иначе можно было сойти с ума.

– И, да, телефоны лучше выключить, даже если они на «беззвуче».

Ольга с Романом в последний раз посмотрели на экраны, проверить, вдруг что пришло, послушно выключили; Светлана выключила смартфон в кармане наощупь.

– К слову, любой из вас может быть потомком воскрешённого или исцелённого! Таких чудес были тысячи. Когда Пётр поднимал Енея, который был много лет немощен, апостол сказал: «Исцеляет тебя Иисус Христос! Встань с постели твоей!» Потом уже этих слов чаще не произносили, и сколько их, восставших, никто не знает.

– А сейчас такое возможно? – одновременно спросили девушки.

Дом надолго замолчал. Он вспоминал своё недавнее – с полгода назад – исцеление маленькой, случайно задетой волной девочки. Хранитель сделал это в едином порыве, мгновенно, так, чтобы даже мать, на руках которой был ребёнок, не заметила, а сама спящая не успела закричать от боли... решил, что сделал правильно, что не всегда человеку стоит давать выбор...

– Полагаю, возможно.

Сегодняшняя ночь сложилась ясной и достаточно светлой – можно было продвинуться дальше и найти ночлег потеплее и понадежнее. Надо ещё чуть подождать, чтобы солдаты с обеих сторон утомились бы и впали в полусонное положение. В такой обстановке у большинства проявляется третье состояние сознания – ни явь, ни сон. Бывает, реальные и навеванные в ночи события сливаются, человеку становится всё немило, кто-то начинает метаться, подобно вечерним летучим мышам, пребывая в сумеречном осознании между светом и тьмой.

– Мне всегда был интересен период становления христианства, первые годы и десятилетия, в разрозненном состоянии, но во внутренней уверенности... Смогли бы мы так сейчас? – Роман замолчал, не ожидая ответа.

Все посмотрели на мудрого проводника, уже по привычке в надежде мудрого истинного ответа.

– Такое не самоцель. Вы можете быть истлевшими, подобно Лазарю, но, если вы достойны, восстанете. Обратит грешников к покаянию, направить на путь – важнее. Воскрешаем вас для этого! – Дом непроизвольно проговорился, но провожатые приняли это на общий пафос его слов, уже принимая естественным высокопарное изложение.

Летучие мыши рассеялись. Унесло с порывом ветра. Но с ним принесли запахи гари и пороха.

– А что у вас за фенечка? – Ольга показала на повязь.

Дом удивлённо посмотрел на молодых людей: он не знал этого слова.

– Ну, фенечка, повязка на руке. Вот, у меня их несколько, – девушка закатала рукав, показывая пёстрый набор личного реликвария. – Наверняка, что-то значит.

– А у меня анкх, – Роман чуть стянул майку вниз, по-мальчишески хвастая древним символом. – И на плече его татуировка.

– Значит же?! – не могла не поучаствовать Света.

– Значит. Можно, я не буду говорить?

Ребята согласились, что можно не говорить. А он был близок к тому, чтобы признаться.

* * *

Разговор, как ни странно, наполнил оскудевшую за этот год душу проводника новой энергией. Стало можно думать не только о том, как лучше и безопаснее пройти к ночному убежищу, но и одновременно порассуждать о себе, о цели в походе и в жизни. В жизни, он решил, что уже сделал что-то хорошее и не следует больше бояться чего бы то ни было! Только необходимо помогать – всем, каждому. Даже одному единому. Хватило бы только души: её истончение, оскудение христианского духа в нём чувствовалось Дому беспрерывно; это состояние поселилось месяца три назад, и было ясно, что не уйдёт.

Заодно пропали, перестали различаться цвета. Всё стало цвета хаки. К этой потере чувствительности добавился моральный дальтонизм: не мог же он воскрешать и исцелять всех. Темп поражения жизни превосходил не столько силу фенечки (интересное слово! необычное!), сколько его личные возможности восприятия. Наверное, для этого дела плохо, что он интроверт.

«Только бы не применять повязь как оружие! Не оружие!» – Дом повторял это про себя снова и снова, воспитывал другого себя, который импульсивен и задёрган. «Или, может, бабахнуть сразу по всем и закончить это всё?! Или, может, совсем не применять?» Внутренний диалог – нехороший симптом, но, значит, душа как-то ещё движется.

«Наверно, я даже какой-то новый, пусть пока непризнанный и неизвестный святой!»

– Спасибо вам! – сказал он ребятам невпопад.

– Да пожалуйста! – Ольга поняла, что это продолжение мыслей проводника стоит поддержки.

– Идти будем чаще непрямо! Глупых вопросов не задаём! Если нас остановят, говорите только правду! Сам факт лжи будет хуже – здесь все уже научены различать! При любых встречах – не шутим, в основном молчим!

Все встали, отряхивались, налаживали одежду и рюкзаки.

– Ни с какой техникой не фотографируемся, подбитые машины обходим! Кого обижу – не обращайтесь внимания! С этого момента я для вас Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух Святой!

Новый переход занял около трёх часов. Вокруг было спокойно – можно было «включить» в голове музыку, не напевать, а просто вспоминать и «прокручивать». В последнее время это всё была музыка без слов, рваные мелодии. Ребята о чём-то периодически перешёптывались, очевидно, им необходимо было обсуждать впечатления и сверять ожидания с фактом. Препятствовать диалогам было нельзя.

Дом отметил высокую подготовку туристов. На окраине города стояли остатки стелы с заглавной буквой «М» – другие были перемолоты в кашу. Для проводника это было неважно: его ориентиры основывались в большей степени на природных объектах, привязывались к скорости ходьбы, необходимости где-то прятаться, где-то наоборот демонстративно и уверенно двигаться по якобы каким-то местным делам.

К середине ночи патрули и часовые утомились, в пригороде начиналась неофициальная, но необходимая жизнь. В школе оставались неразрушенными первые два этажа, и Дом провёл ребят в дальний конец коридора, чтобы были рядом вода и туалет. В кабинеты лучше не заходить: меньше вариантов бежать. Местным можно, и он, к счастью, за них не отвечает.

Нескольких встречных он приветствовал кивком головы, те отвечали – на самом деле он здесь никого не знал, и его не знали, это было знаком отсутствия злых намерений, признания за соседом такого же права быть сегодня в составе рода человеческого.

(Рассказ требует уже повести! Сделаю позже. Будут индивидуальные философские беседы и через них судьбы и устремления героев. Одна не любит себя, бежит от себя / другая себя практически никак не проявляет, всегда тихая, с нереализованным и рискующим остаться таковым потенциалом / парень стремится в этих необычных обстоятельствах добрать характера, чувствует себя не готовым к нынешнему времени, как окажется, это общее чувство большинства молодых (им ничего позитивного нами не передано и предъявляется самый высокий спрос в отсутствии возможностей, спрос к проявлению мощных движений души с одновременным смешением душ в бессмысленном адском котле).

Наброски фабулы: гумпомощь – мёртвые – гражданская техника – раненые – встреча с патрулём – проверка – военные шуточки – солдаты тоже устали – лесные звери на улицах – самолёты – мины – колонны туда и обратно – могилы и заготовки, лопаты и лежащие кресты...)

* * *

Три дня растянулись для них: у кого в неделю, у кого в месяц, у кого в непрерывный морок без времени, а под конец уже без нервов и переживаний, без сил и в животной готовности ко всякому новому страшному. В заброшенной школе – не только на улице – происходил чудовищный театр с кровью, стрельбой и криками, дымом до нулевой видимости, волнами смрада, правда, иногда с неясными издали песнями и молитвами. Испытывали постоянную жажду – благо, расположились рядом с источником воды. Но хотелось напиться вновь и вновь. Дом знал это чувство, которое сейчас приходило не от физиологической потребности, а от стремления пропустить через себя живительные потоки в надежде, что они унесут с собой если не внешние обстоятельства, то хотя бы глубоко засевший внутри страх.

Скоро страх будет множиться между собравшимися, а людей прибывало в это крыло здания всё больше, начнутся непредсказуемые реакции, охранить своих подопечных станет сложнее.

Проводник ждал, когда, наконец, ребята попросят обратно. Лучше бы в ночь.

Туристы собрались в кучку и подобрались к нему, дремавшему сидя, прислонившись к стене. К слову, на стене проглядывались остатки картины. Скорее всего, было чьё-то лицо, по краю виднелись волосы вразлёт и сбоку был текст, от которого осталась живой одна неполная строка: «...мерть стоит того, чтобы ...ть!» Очевидно, в первом слове пропущена «с» и во втором «жи» или «бы», отчего смысл поначалу не очень менялся. Дом был здесь не первый раз и стал играть в такую игру, перебирая тонкие оттенки слов – «жить», «быть». Да, это чуть разное: например, можно быть, но не жить, а жить, но не быть нельзя. Наверное, нельзя. Сегодня он устал больше собственных ожиданий – пришло в голову горько-ироничное, в этом контексте: «выть». «А вдруг «выть»?»

Ребята подобрались кто ползком, кто на коленях. Стали молчать.

Домысливать знал по большому опыту, что они должны сказать это первыми. Как и любое желание, лучше, чтобы человек сформулировал сам.

– Ну, чего вы? – спросил, не открывая глаз, Дом.

– ...мы хотим обратно! – сказали все хором.

– Тогда идём. Прямо сейчас!

Дом повёл группу по большой петле. Шли всю ночь. Вплотную, друг за другом – чтобы не потеряться, и чтобы ребята не наткнулись на мины. Домысливать чувствовал мины, сам не знал как. Они обозначались в голове «фосфоресцирующими» точками, некоторые почему-то к тому же шевелились, будто укладывались поудобнее.

На полпути он предложил сделать привал, но туристы отказались. Но никто из них не жаловался.

С зарёй идти стало легче: в свете зарассветного солнца появлялись знакомые балки и ручьи. Рощи с обратной стороны открывались неизвестными и по-прежнему таившими опасностью, но молодые люди уже начинали радоваться скорому завершению пути.

Когда показалось знакомые им развалины здания, у которого была первая остановка, ребята бросились к нему бегом. Как вырвавшиеся на волю щенки неизвестных лесных зверят, с щенячьим восторгом, стараясь обогнать собрата. Если бы могли, они, наверное, на бегу даже покусывали бы друг друга.

Дом дошёл до места под стеной через две или три минуты. Молодёжь спала, как будто им выключили человеческий ток.

Часа через четыре, когда утро было в разгаре и в природе образовался шум нового дня, ребята начали просыпаться. Уже ничего не говорили, жили в это мгновение, рассматривая травинки или колебание под ветром деревьев.

Правда, Роман встал, нашёл кусок обгоревшей рамы, стал выводить на стене угольной чернотой: «Здесь были...» Проводник зыркнул на парня – тот остановился, бросил художества.

Видя, что молодёжь заскучала, Дом сказал:

– Можете включить телефоны.

Туристы заулыбались, потянулись за техникой.

Домысливать отвернулся. Тревога – за всё – вроде бы прошла, но тур пока не завершён, даже малые оставшиеся километры требовали напряжения внимания и сил.

«Как придём, напьюсь!» Хранитель позволял себе это нечасто, и требовалось это ему только для снять напряжение и переключиться на новые дела, но сама доступность этой мысли, что он уже может позволить себе хотя бы ненадолго вперёд планировать, вызвали приятную теплоту и успокоение. Он про себя начал выводить мелодию, в голову, – ребята слышали, но, конечно, не могли разобрать мотива. Им тоже стало от такого лучше.

Дом мог занять себя мыслями в любое время и в любом состоянии. «Интересно, есть ли в последнем ручье рыба? Он совсем узкий, но местами есть глубина. Да, плюс, что чистый, течение быстрое. Скорее всего, есть хариусок, пусть мелкий, но ловить интересно – надо делать

заброс за несколько метров до и ждать, когда снасть доплывет естественным образом до потайного рыбного места... А вкусный, чёрт. Когда ещё удастся половить?!» Потом получилось полчаса не думать. По жаре идти было некомфортно, стоило дожидаться предвечернего времени.

Чтобы отвлечься и для разведки местности на будущее (заодно сходить по нужде), Дом решил углубиться в рощицу.

– Я ненадолго. За мной не ходите!

Ребята кивнули.

Дом достал из нарукавного кармана крайнюю заначку, три леденца, и вручил своим спутникам. Про себя подумал: «Хорошо, что не очень сблизилась!»

Роца оказалась в подлеске, на удивление не замусоренной ветками и следами растительной и животной жизни. Значит, здесь были люди, вероятно, по весне. После немалого даже для него перехода Дом пребывал в полусне – поэтому отходить далеко не стоило.

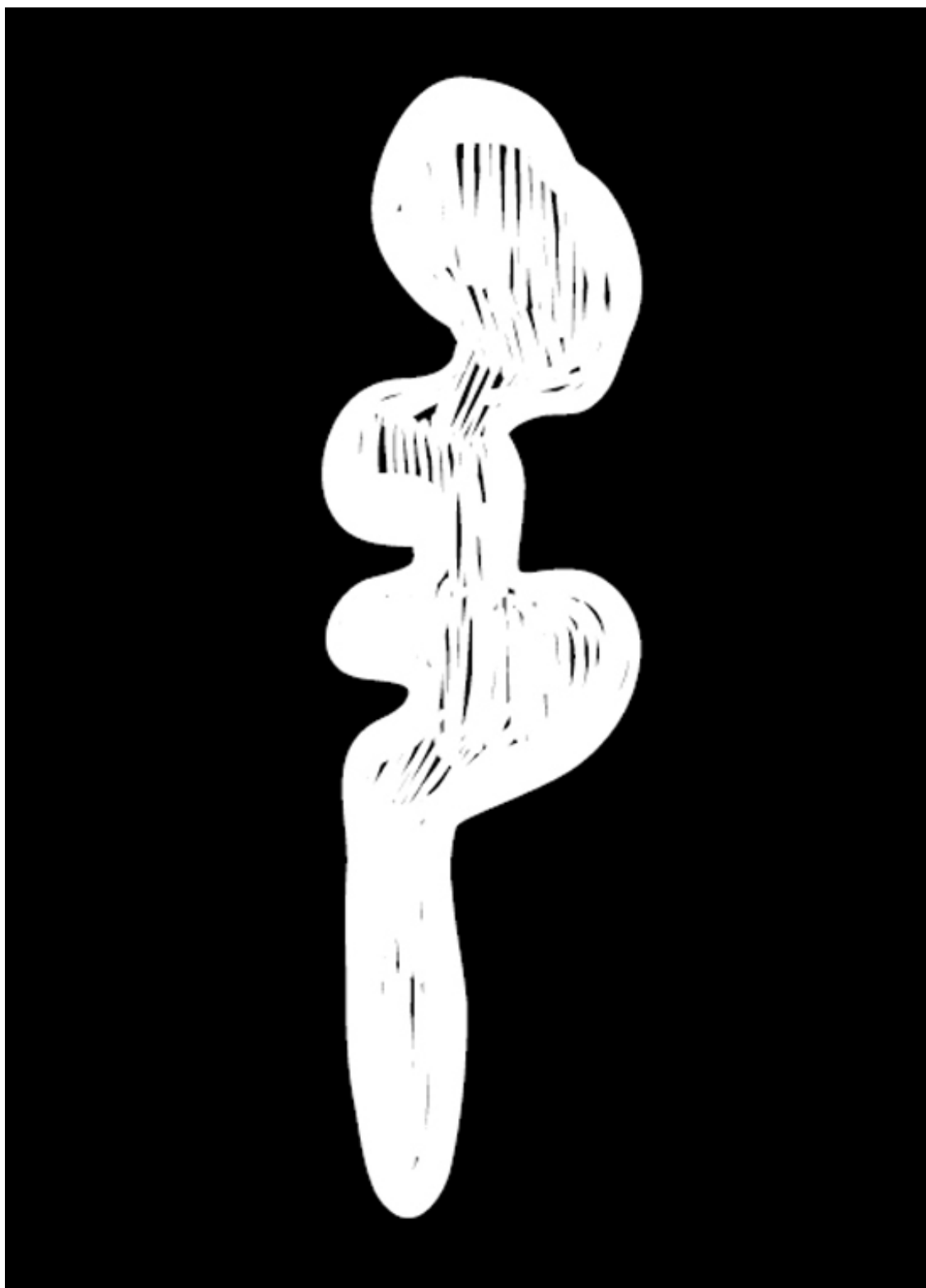
Да, он устал больше обычного, присел, опершись на дерево, начал дышать глубже. Наверное, это его и спасло. Два взрыва раздалось почти одновременно, над ним на уровне головы посеколо ветки. Не боясь новых прилётов, Дом рванул к лагерю.

Романа разорвало на куски, кровь и останки разлетелись округ и большой красно-бурой «тенью» отразились на стене. Девушки же как будто уснули, ран не было видно, но в замерших телах, очевидно, жизни уже не было.

«Так!» Он вспоминал, как действовать в священном деле. У ниточек на повязи никак нельзя было найти концы. Ногтями не получалось, он рванул зубами, не боясь навсегда повредить реликвию. Та, слава Богу, совсем не разорвалась. В воздухе обозначились концы именно трёх ниточек! Можно ли воскресить повреждённое тело?! Да, такое бывало. Про достойны ли, думать было некогда.

Он выпростал из повязи заветные нити... Сердце колотилось. Мыслей не было. Почему Дом сделал именно так, никто, и он сам не смогли бы ответить.

Хранитель замер и... отпустил нити в пространство. Без исполнения! Тела остались на земле, а души – про души он не знал и не мог знать!

Ничьё дитя

Правдивая история из нашей реальности

Меня звали Максим К. В этот год в моём городке Сосна зима оказалась холодной. Хотя, какая зима была в прошлом году, я точно не помнил. Больше всего мне нравилось ждать трёх вещей: редких просветов солнца в облаках, играть с соседской собакой и когда мама скажет моё имя. Я уже очень радовался, что я Максим. Но самому себя называть было неудобно, и ребята, замечая, когда я шепчу его, начинали цепляться.

Я никогда не думал, сколько мне лет, не понимал, зачем это нужно. Соседи говорили, что десять, но развит на семь, что я особенный ребёнок. Пусть так и думают. Их всех я не успевал любить, только хорошо думал о них. Кто появлялся редко, о тех вовсе не думал, но, встречая их взглядом, всегда гладил их. Гладил по рукам, а если люди были большие, то обнимал в коленях.

Сегодня не надо было ехать в школу: я долго болел, но в последние два дня меня уже пускали на улицу. Пока я ждал солнца, можно было подумать о маме. «Почему взрослые всегда боятся? Если страх – это такая игра, то она плохая. Хотя я боюсь, например, темноту, но это не страх. Боязнь кончается, когда я засыпаю, или уже ночью, когда глаза привыкают к темноте, а у взрослых страх не проходит никогда. «Мама, не бойся! Жалко взрослых. Дай им Бог себя!»

У меня была интересная веточка: она разветвлялась на три направления. Я очистил её от коры и всегда носил с собой. Это были мама и мы втроём: я и две старшие сестры. Девочки со мной никогда не играли, но я мог в любой момент достать веточку и представить, что они со мной. Сейчас я смотрел сквозь неё на разрыв в облаках, где должно было показаться солнце. Хорошо бы найти веточку с четырьмя ответвлениями – четвёртая была бы собака. Мы жили в большом городском доме, и родители не разрешали заводить животных. Говорили, что тесно и нет денег. Поэтому я ходил по соседству в деревянный дом, к бабушке и дедушке, но не своим, и брал у них из будки собаку. Погулять. Лохматая чёрная дворняжка Альма. Говорили, что она была старой, наверное, поэтому она не бегала, а медленно ходила со мной. Ласково тыкалась носом и надолго замирала в моих объятиях. Как зовут бабушку и дедушку, я всегда спрашивал, но не запоминал. Может, они обижались.

Однажды в школе учительница спросила, у кого есть домашние животные и какие. Не считая кошек и собак, у ребят были попугайчики, черепахи, хомяки и даже ящерицы. У одного меня тогда не было никого. В школе я сдержался, а дома целый день плакал. Потом я нашёл соседскую собаку и бабушку с дедушкой.

Меня они видели чаще своих внуков, и я был с ними чаще, чем со своими старшими родителями. Мне это нравилось. Бабушка всегда меня расчёсывала. «Как бесёнок лохматый!», – говорила она. «Кто такой бесёнок? Смешная».

Скоро Новый год. Будет долгий на всю ночь салют, мы с собакой будем пугаться. Я буду тихо плакать, от радости, есть припрятанные мандарины. Потом принесу очищенный мандарин Альме, но та есть не станет – наверное, потому что старая, а фрукты для детей. Все наши пойдут на улицу, я останусь дома, охранять, так я давно для себя придумал. Альму ведь держат для этого, чтобы стоять на страже. И я с ней. Пусть даже собака лает уже негромко.

Всё это я подумал и вспомнил, пока мимо меня проезжала машина. Обычно машины ездят быстро, а эта была медленная. Наверное, её сделали, чтобы не ехать, а больше стоять.

Раньше, когда я не ходил в школу, в округе было больше людей и детей. Сейчас нашу и соседнюю школы объединили, вторую школу уже почти разрушили. Я, когда ещё дружил с некоторыми ребятами, тоже ходил бить окна. Окна не сразу поддавались. Но когда получалось

разбить, стекло разлеталось, отбрасывая разноцветные отблески. Потом я выбирал интересные осколки, чтобы принести домой в свою коробку с моими штуками.

Некоторым игрушкам у ребят я, конечно, завидовал. Особенно электронным, на телефонах с большим экраном. У меня был телефон на кнопках – я его прятал. В нём были «змейка» и что-то ещё, но я давно решил, что найденные из природы игрушки лучше. Таких ни у кого нет, они только мои. Каждая из них имела своё предназначение. В своём углу – спальня на всех детей была одна и без двери, она давно слетела с петель, а новую не поставили – я расставлял камушки и прокладывал дороги из маленьких стёкол. Мой город никому не мешал, хотя второй папа каждый раз мне говорил, чтобы строительство не препятствовало проходу. Первый папа, который тоже жил с нами (наверное, ему было больше негде жить) останавливал второго: «Пусть ребёнок играет! И так мало радости».

Взрослые не ссорились, просто не замечали друг друга, и нас тоже. Мама обычно сидела на кухне, пила светлый чай. Она никогда не выкидывала пакетик, а клала его снова и снова. Как будто он был ей особенно дорог или вкуснее других. Если бы мама приходила к нам, подседа ко мне в мой город, спросила о чём-нибудь, я бы построил ещё больше счастья. Как зовут маму, я вспоминал не всегда, но всегда её жалел и старался прикоснуться при любой возможности. Купал меня второй папа. Его руки были сильные, он крутил меня, растирал до красноты – мне становилось тоже хорошо. В конце я его целовал, он отстранялся с улыбкой. «Чего ты, телёнок?»

У ребят в классе почти ни у кого не было папы, а у меня их целых два. Когда иногда приходили полицейские, они меня спрашивали, не обижают ли они меня. Я отвечал, что нет. Только иногда в шутку сажают с собой за стол, говорят: «Будешь третьим!».

В большой комнате постоянно работал телевизор, даже если в ней никого не было. За время болезни я услышал несколько новостей, за которые очень переживал. «В Сосне мать выкинула из окна годовалого малыша». Что с ним случилось, я не расслышал. Уверен, он спасся – ведь на улице так много снега, если упасть, то мягко. Я сам прыгал в сугроб много раз. Но трудно вылезать. «Беспризорники разбили витрину в магазине и вынесли три коробки с шоколадками». Вот повезло им. Только я не знал, что значит беспризорники. Наверное, какие-то старшие ребята. Я видел, как такие всегда что-то ищут в заваленном рваными газетами подъезде или на детской площадке. Мне таким крутым никогда не стать. Может, попробую как-нибудь украсть шоколадку, или три, себе и сёстрам – только надо про эту идею не забыть.

Наш двор был огромный. Учительница говорит, что страна вообще гигантская, а дядя по телевизору сказал, что она даже нигде не заканчивается. Можно ехать на электричке целый год, но не везде есть рельсы и там, наверное, приходится идти.

Сегодня мама запретила мне забирать собаку, сказала, что я могу заразить стариков, и пусть один день потерпит. Завтра, после школы, можно сходить за Альмой. Хорошо. До завтра недолго, за сегодня мама назовёт меня по имени ещё несколько раз.

Болезнь мне нравилось: не надо никуда идти и делать бесконечные уроки. И можно есть много лука, который я очень любил. Когда ничего не оставалось, не было еды, я чистил луковицу и съедал её целиком. Было вкусно, но почему-то появлялись слёзы.

Иногда объявляли удалённое обучение, но компьютер был один, и тогда учились только сёстры. Для меня мама придумывала повод не подключаться. Её даже вызывали в школу, но она не пошла. Сходил второй папа, который, вернувшись, не стал на меня кричать, а сказал, что ещё один ноутбук купить они не могут. После этого он даже со мной несколько дней занимался. Одна из сестёр сказала, что во многих деревнях ученики идут на холмы, где ловит сигнал, или даже залезают на деревья. Никому не хочется, чтобы на него учителя кричали. Я даже не боялся двоек, но зачем было кричать на меня и на других. Наверное, потому что где-то кричали на них.

Ещё сладким воспоминанием были поездки на школьном автобусе. Он собирал много ребят, объезжал тихие дворы. Я всегда представлял, что мы путешествуем, оказываемся в других краях, ждал появления северных оленей или белых медведей. Они, конечно, вот только что пробежали за тем домом, но боятся автобуса и не показываются.

Над нами жила девочка, она ходила в школу на класс младше. Её родители жили оба в нашем подъезде, но на разных этажах, вообще не общались. И Маша жила то у мамы, то у папы. Часто девочка не хотела идти ни к одному из родителей, и я звал её к себе. Дверь у нас часто была открыта, и я видел, как она бредёт по лестнице, замирает на площадке. А на прошлый Новый год отец был уже пьяный и спал, а когда она пришла к маме, та сказала, что уезжает праздновать к друзьям. Маша потом рассказала, что провела всю ночь на площадке, делала вид, что ждёт. Соседи угощали её сладостями, она освободила коробку из-под мусора и складывала еду туда, даже осталось потом надолго.

Несколько раз я звал Машу к себе, но ей мои игрушки не понравились, она просто сидела и смотрела на развешенную одежду сестёр. Сегодня она прошла, не снимая курточки, так Маша мне нравилась особенно. Как будто пришла из другой страны.

– Хорошо у вас, вон у девочек туфли, а я в кроссовках хожу всю зиму. Мама говорит, что до остановки недалеко, не успеешь замёрзнуть.

– Зато кроссовки у тебя красивые, – я и правда так думал.

– Да, яркие. Но в них набивается снег, и я сижу на уроках с мокрыми ногами. А у тебя полная семья. Не всем так везёт. Я слышала разговор директора с одной учительницей. Он сказал, что пришёл приказ не считать одинокого родителя с ребёнком семьёй, семья – это только когда все вместе.

– Я не думал об этом. Да, когда я вырасту, обязательно так и сделаю, – мне казалось, что в старшем возрасте мальчика выдают девочке, как учебники в школе, и я бы хотел, чтобы меня выдали Маше.

Я пока не стал открывать ей свой секрет. Мама иногда давала мне деньги, на пирожок в школе. Но я его не покупал – стоять в очереди мне не нравилось, даже если в ней мало ребят, всё равно они толкаются и обзываются, – а копил монеты на кино. Будет тепло и тогда накопится и достаточная сумма, и до кинотеатра можно будет пройти не по сугробам. И может, попрошу у сестёр их старые туфли, которые уже стали им малы. Хотя я знаю, что мама отдаёт ношенные вещи своей подруге, у которой двое малышей. Мне вещи второй папа приносил с работы – они были почти новые. Того мальчика, чьи были курточка и шапочка, я не знал. Думаю, он не стал бы меня обижать. А деньги я хранил в той же коробке, где всё своё. Они были незаметны в куче моего добра. Когда-то папа так назвал мои игрушки – добро. Мне очень понравилось.

– А пойдём на кухню пить чай!

– Ну пошли.

Моя мама сидела в дальнем углу стола и смотрела наискосок в окно. Я давно привык к этому и знал, что она не помешает и ничего не скажет.

– Здравствуйте, – тщательно выговорила Маша, у меня такое длинное и «задиристое» слово, где много «з», не получалось.

Маша села боком к столу, может, чтобы не смотреть на маму. Мама нас, наверное, всё же заметила: прибрала свисавшие волосы назад.

Я как маленький хозяин нажал на кнопку чайника, подвинул гостье блюдо с оставшимися тремя конфетами. Маша взяла одну и моментально съела. Остальные оставила на чай.

Пока вскипал чайник, я не решался поворачиваться – не хотел вспугнуть это приятное время. Маша подошла и встала рядом.

– Сколько тебе сахара? – спросил я.

– Три кусочка.

– Ой, так сладко. Мне хватает одного.

– Можно, я возьму ещё сахар на потом?

Не дожидаясь ответа, девочка спрятала в карман ещё рафинада.

– Больше не надо: мама заругает, – прошептал я, хотя знал, что мама никак не отреагирует на наши разговоры.

Стульев за столом и на кухне было много. Я первый раз сел на место второго папы, взрослые называли это местом председателя, в узком месте стола.

Пили чай молча. Маша не доставала из чашки пакетик и ложку. От долгого заваривания чай у неё стал тёмным. А ложка мешала пить, постоянно скатываясь к руке. Вот смешная. Я свой пакетик сразу положил вместе с другими. Заметил, что многие пакетики переплелись ниточками, их, скорее всего, будет трудно заваривать, понадобится распутывать. В хлебнице остались только два кусочка нарезного батона, их брать было нельзя. Мама учила, что, когда мало остаётся чего-то из еды, вежливо будет спросить у всех, не хотят ли они это съесть. И только если все откажутся, можно взять самому. Обоих пап не было, они на работе – поэтому я решил, что обойдёмся без хлеба.

Чай был горячий, поэтому сидели и пили долго. Я повернулся к плите и чайнику: на кухне был беспорядок, а плита вообще вся жирная, с одинокой сковородкой. Мне стало стыдно перед Машей. Хорошо, что она смотрит в чашку.

– Можно ещё? – спросила соседка.

– Нет. У нас так нельзя, – ответил я.

– Да, спасибо! Вкусный чай. Я пойду.

– Хорошо. Хорошо, что пришла, – я прикоснулся к её курточке. Я думал, прикоснуться к маме самое большое удовольствие, а здесь по мне прошла такая волна нежности, которую я испытывал ко всем сразу.

Когда Маша ушла, я сел к себе в уголок, спиной к коридору и так сидел, держа в руках самые яркие стёкла.

– Привет! – пришли сёстры из школы.

– Да, привет! – ответил я, не поворачиваясь. Вдруг у меня что-то не так с лицом, и они заметят.

– Выздоровел? Завтра в школу? – спросила вторая сестра.

– Да.

– Хочется?

– Не знаю. Утром темно на улице, неприятно.

– Попробую тебя проводить, – средняя сестра общалась со мной охотнее старшей, может, потому что была ближе ко мне возрастом.

– Вот, купили тебе маленькие соки для школы. Смотри, апельсин, яблоко, ананас. На печенье не хватило.

– Большое спасибо! – я протянул руку, чтобы посмотреть, такие ли соки.

Соки были не такие, малышковые, «Агу-агу!». За такую марку меня дразнили ребята. Однажды я даже не допил сладкий, любимый мной манго. Пришлось выкинуть пакетик в мусорку. Я настолько любил этот сок, что на следующей перемене подошёл и посмотрел в ведёрко – пакетик лежал и не был даже завален другим мусором. Я было хотел его достать и допить, но обидчики могли следить за мной. От обиды – тогда и сейчас – я беззвучно заплакал.

Перед сном я снова вспомнил ощущения от того прикосновения. И старался, чтобы оно сохранилось со мной во сне. Я слышал, что если сильно захотеть, то можно самому себе навести сновидение. Но у меня ни разу не получилось. Как не получалось почти во всём. Но я к этому уже привык.

Утром оказалось, что у обеих сестёр не будет первого урока, и проводить меня они не смогут.

Все домашние одновременно умывались и толклись на кухне, завтракая кто чем мог. Второй папа пропустил меня перед собой и защищал спиной ото всех других.

– А, не буду сегодня чистить зубы, – сказал в сердцах папа, не надеясь прорваться к раковине.

– Да, родственник, иди сегодня без зубов! – второй папа беспрерывно подшучивал над ним. Я запоминал эти шутки и отбивался ими перед сверстниками, помогало.

Папа в отместку всем открыл окно настежь. Он никогда ни с кем не ругался, а делал что-то постороннее назло.

Пасты осталось совсем на дне тюбика, но второй папа смог выдавить дольку себе и мне. Мама ходила по квартире, расчёсывала большой похожей на ёжика щёткой волосы. Что-то напевала. Я пытался уловить и запомнить мелодию, но за журчанием воды и басом второго папы мелодия пропадала.

Я ещё возился с умыванием, а второй папа пошёл проверить мою одежду. Оказалось, не зря.

– Мать, ты посмотри, – он поднёс к её лицу мои брюки.

Я не знал, что там, но вжался, жаль, что в ванной негде было спрятаться. Ругаться в этот раз не стали. Второй папа показал мне, в чём дело.

– Вот, по всей штанине размазал сопли. Смотри. Понятно, что сам не заметил.

Он долго замывал штанину.

– Придётся тебе, брат, с сырой штаниной идти.

– Да, спасибо! – сказал я, с благодарностью, что не заругал. День начинался хорошо.

На столе я допил за кем-то холодный чай. Завтраков у нас не было, это стало привычным, что-то ухватить или просто попить сладкого. Сочок я тоже взял, положил на дно портфеля, под учебники. Выпью потом по дороге из школы.

– Максим, телефон у тебя заряженный? – спросила мама.

Увидев, что заряда осталось совсем мало, соврал, что да, заряженный. В суете я часто забывал поставить телефон. Он не занимал у меня столько жизни, как у одноклассников, пользовался я им редко.

– Ну, иди, дорогой, – мама поправила мне шапку и слегка подтолкнула в спину.

Я вышел один. У меня был огромный портфель, в который помещалась даже сменная обувь. Мне нравилось таскать такую ношу: я был одновременно как почтальон и космонавт.

Сегодня было не очень холодно, поэтому ждать школьный автобус можно было сколько угодно. Подошёл мой одноклассник, мы поздоровались. Мне мама строго наказывала ждать именно школьный автобус и, когда мой товарищ сел в городскую маршрутку, я не стал так делать.

В утреннем тумане машины появлялись интересно: фары вдруг загорались сразу рядом с остановкой, висели сами по себе в воздухе, и только потом появлялся автомобиль. Над улицей висел постоянный шум, и звук отдельных машин сливался с жизнью города. Выделялись только грузовики, их фары были выше других, а звук напоминал трубу без мелодии.

Автобусы без конца приходили и уходили, люди вращались вокруг остановки. Старшие ребята тоже садились в городские маршрутки и быстро уносились вперёд. Я решил тогда не дожидаться школьного автобуса, боялся, что опоздаю на уроки, и что нас, не успевших вовремя, построют на первом этаже, наругают и потом дадут тряпки и вёдра, чтобы мы не болтались попусту, как говорил завхоз, а приносили пользу, мыли полы и стены. Трудиться мне нравилось, но я не хотел подводить маму и стыдиться перед учительницей, которая и так была ко мне очень добра, за новое опоздание. Тем более я опаздывал сегодня не нарочно, опаздывал не я, а автобус. Это в прошлый раз я специально прыгнул в полынью, чтобы не ходить на контрольную. Пытаясь нагнать товарища, я сел вместе со старшими в обычный транспорт.

Дядя водитель что-то у меня спросил, я не расслышал. Я подошёл к нему ближе.

– Деньги есть у тебя? Тридцать рублей, – он говорил со мной, не поворачивая головы, мне была непонятна его речь. – Где твои родители?

– Давайте я заплачу за пацанёнка, – сказал кто-то из пассажиров, и мне стало за такое неудобно.

Я привык ездить на бесплатном школьном транспорте, поэтому не всегда брал с собой деньги. И сегодня я по привычке сложил оставленные мне мамой монеты в свою коробку. Там было уже почти пятьсот рублей. Может даже я их отдам родителям. Они всё спорят, как отдавать кредит. Хотят взять ещё кредит, чтобы расплатиться с нынешним. Говорят, что все так делают, и гори всё огнём. Странное выражение.

Чтобы не объяснять дяде эту длинную историю, я вышел на следующей остановке. Куда идти я примерно знал. Вот берег речки, овраг. Расстояние оказалось больше, чем я ожидал. Перешёл через мост. Хорошо, что туман стал рассеиваться. Я понял, что уже точно опоздал. Увидел магазин, подошёл к витрине, но денег всё равно не было, а заходить, чтобы продавец о чём-то начала спрашивать, я не хотел. Ещё скажет, что прогуливаю, а я не прогуливал. Зашёл, постоял между дверями, погрелся. Но надо было торопиться.

Когда я вышел на дорогу, до ближайших домов надо было идти ещё столько же. В этом районе я никогда не был. Даже дойти в соседний двор и потом вернуться я мог не всегда. «Как там сейчас мама? Надо ей позвонить, чтобы не переживала за меня».

Телефон замёрз, и сигнал долго не проходил. Потом несколько минут мама не отвечала на звонок. Телефон сел.

Я срезал дорогу, пошёл по сугробам. Вот тропинка. Я уже потом понял, что это были чьи-то звериные следы. Потому что на каждом шаге проваливался, когда по колено, когда больше. А зверёк пробежал совсем поверху, едва задевая порошу. Мне нравились старинные слова. Я их специально заучивал, бывало, приходилось повторять по много-много раз. Я шептал в основном незнакомые слова, но некоторые я специально запомнил. Помимо разных названий снега мне врезалось в память «веремья» – это по-старинному время. Веремья – от смысла «вращение». Я сейчас так же вращался как это самое время, но найти дорогу не получалось.

Тогда я решил идти домой. Я озяб, пальцы рук перестали слушаться, пришлось сжать их в кулаки и греться об себя.

Вроде бы показались знакомые дома. Я подошёл, но это был тот же чужой район. Все большие дома в городе были одинаковые. Вдалеке виднелись другие высотки. У нас в городе много рек, и даже взрослые не знали всех названий. Но эту речку, которая протекала между этим районом и нашим, я знал: у неё было забавное название – Канава.

Мимо проходили люди, все спешили по своим делам, кто на работу, кто отводил малышей в детский сад. Я никогда не ходил в детский сад, наверное, там хорошо, много ребят и много игрушек. Говорят, можно спать днём.

– Мальчик, ты заблудился? – спросила проходившая мимо женщина.

Я отстранился и ничего не ответил: мама запрещала разговаривать с чужими взрослыми. Подождав, пока тётя уйдёт, пошёл вдоль реки. Тротуары петляли вокруг домов, и по ним трудно было найти правильную дорогу. Вдоль реки было наверняка. Да, хорошо, скоро наступит весна, и по Канаве можно будет пускать кораблики. Тем более хорошо, что кораблики никогда не кончались – досочек и веточек из-под снега торчало множество, как будто они сами просились в долгое плавание, где из одной реки можно попасть в другую, а там, совсем далеко, море. Вот бы побывать на море – вырасту, обязательно поеду на море.

И тут я провалился в речку. Лёд же должен быть толстый: зима морозная. Но, наверное, я стал весить больше, мама иногда говорила, что вот, растёт маленький кабанчик. Вода обожгла холодом. Провалился только по пояс. Портфель в воду не попал. За мокрые учебники и тетради могли сильно наказать, например, лишить прогулок с Альмой. Выбрался я быстро. Отошёл от реки и побрёл вдоль склона. Я шёл и прятался от людей, чтобы не заметили мои мокрые брюки.

«Как сейчас мама? Грустно ей или весело? Когда столько счастья, столько нас, как можно грустить? И скоро Новый год. Пусть мама всегда будет счастлива!» – я думал всё медленнее.

Потом я уже не знал, думаю или нет, стал приходить сон, в нём начиналось лето, вода в речке становилась тёплой. В какой-то момент, который я уже не чувствовал, но был в нём по-детски счастлив, я, Максим К., умер.

Уха с молоком. Подаяние себе

Автостанции маленьких городов и посёлков отличаются от своих крупных собратьев. В мегаполисах все – люди, автобусы, машины, даже собаки – проносятся сквозь или мимо, каждый по своим делам, стараясь не соприкоснуться с другими. В маленьких городах любая станция – свой мир, который вбирает не только тела и корпуса, но и души. Даже если ты проходящий автобус, остановившись здесь на несколько минут, ты не можешь не прикрыть в расслаблении глаза-фары, не можешь не попытаться найти родственную сущность.

Я оказался на станции Шалабов по отпускным обстоятельствам. Торопиться было некуда и приходилось маяться от своего постороннего присутствия в местной жизни. Раньше привыкать было легче, но весна двадцать второго значительно отличалась от всех других, подстилая другие смыслы и состояние.

В городе стало приятнее, несколько чище и добавилось пространства от стоявших много лет, а сейчас ликвидированных развалин. Грибницы новой жизни пробивались пока небольшими целышами (это по-старорусски молодой гриб). Само же местоскопление людей, это, как и все другие, назвать целышом никак не получалось: в другом значении «целыш» – неповреждённое. Повреждение, оскудение, обесценивание стали настолько привычными, что люди перестали обращать внимание на эти явления, и, как защитная реакция, появлялось примирительное одобрение. Всеобщее понимание выражалось в молчании – боялись сказать такую же, как у всех, мысль, но другими словами. Иная формулировка нарушала коллективное и индивидуальное спокойствие, и если в иные времена круги по воде пусть долго, но расходились, то в нынешние волнение могло множиться, наслаиваться само на себя, обретать перпендикулярные последствия. Даже не в моменте, а в непредсказуемой перспективе. Поэтому часть молчала от боязни жить, часть – от бесполезности усилий.

Изо всех сделали юродивых.

Нищие в маленьких городах ближе к настоящим. Во многом из-за меньшей социальной дистанции с земляками: нищий просит у бедных или таких же нищих и вроде бы даёт им шанс почувствовать себя в роли самаритянина, у которого есть чем поделиться. В сити же иной побирушка богаче большинства прохожих. Циничнее – точно.

Этого нищего, согбенного от возраста или от неясно почему нелёгкой ноши, хотя это были всего две перевязанные холщовые сумки тёмного цвета, перекинутае через плечо, я заметил сидящим на остановке. Он ни у кого ничего не просил, но было видно, что горемыка и будет рад любой мелочи.

Я поначалу прошёл мимо: вроде же не побирается, а живёт какой-то своей жизнью. Так или иначе, выживает и без случайного встречного, как-то же обходился до этого. В целом я даю милостыню, но несистематическим образом: необходимо, чтобы сложился целый ряд обстоятельств, включая впечатление от человека и оценки доверия к нему, наличия какой-то свободной суммы, настроения и даже погоды. Последнее время мне вовсе необязательно встречаться взглядом с человеком – выраженная или невыраженная благодарность или безразличие, которое часто от ставшей необязательной жизни, не добавляют ничего к истине этих действий. Становится хорошо и так.

Через минуту я пожалел, что не свернул и не дошёл до нищего. Ну, скоро буду идти обратно и обязательно подам. Бумажными – монеты совсем обесценились, ими пользовались только обычные люди, для которых это были пусть и символические, но деньги, как осколки реальности настоящего, не столько полезные, сколько скрепляющие с надеждой. Хорошо хоть оставалось солнце – слава Богу, оно не переставало светиться.

Я продолжал помнить про одинокого и пока единственного встреченного мной нищего. Когда сидел на бульваре, когда просматривал новости, когда дети затеяли гонки на велосипедах

и один безоглядно промчался мимо меня и через несколько метров упал. Я не пожалел его: мои положительные чувства были сконцентрированы на незнакомце, с которым я всё больше хотел увидеться и познакомиться, и на мальчика доброты уже не хватило. Десятилетнего пацана беззлобно сгрёб в охапку отец, молча отряхнул, снова усадил на велик. Молодец отец! Я бы так не смог.

Ребёнок же оказался по-хулигански доволен: пролетел меж всех как ракета!

Через час я пошёл, специально сделав крюк через ту остановку, но дедушки там уже не было. Пылевое поветрие, которое стояло сегодня – всё-таки вокруг степь – загнало меня в пекарню. «Добро пожаловать – кексы, пирожки, постная выпечка, куличи – кофе, конечно, есть – пироги вкусные – после девятнадцати скидка тридцать процентов – пожалуйста, спасибо», – продавец была естественным образом приветлива. Так она не ленилась повторять каждому, находя в этом личное счастье. В этом небольшом кубике мирового пространства она чувствовала себя в безопасности, любой другой мир становился ненужным, только бы люди приходили, принося ей свой кусочек благодати, принимали от неё осязаемую сдобу доброты и бесконечные частицы душевного тепла. Мне показалось, что она внутренне радуется своей вежливости, и каждое слово было для неё как будто внове, и оттого радость наличного буднего дня образовывалась непрерывным потоком – так, что по нему можно даже было пускать невидимые кораблики, всё же на улице апрель!

Следом за мной закончилась... вода. Мне ещё хватило, а следующему посетителю, как оказалось, дальнобойщику в рейсе, на полную чашку кофе уже нет. Хозяйка уговорила его на эспрессо. «Ну вот, человек запомнит Шалабов недостатком воды!» – не расстроился, а просто озвучил я про себя.

Столов и стульев хватало, но гость сел за мой стол на стул напротив. Стал иногда смотреть прямо на меня. Как опытный путешественник, я догадался почему. У меня возникала подобная потребность: вот, ты видишь человека впервые, сверяешь свои наблюдения с проекцией его жизни, пытаешься угадать, кто он и что. В случайной ситуации присматриваешься к местным или командированным, радуешься такой возможности побыть если не вместе, то рядом.

Про дальнобойщика стало ясно из его громкого разговора по телефону: водитель долго рассказывал жене или другой женщине подробности маршрута и своей жизни в ходе поездки. Наверное, не в первый раз. Он постоянно сетовал на выросшие цены и другие реальные или воображаемые трудности в пути. Каждому хочется быть героем!

Вероятно, неожиданный сосед ждал от меня, что я расскажу, хотя бы так же в пространство, кто я и зачем. Я без вызова молчал. Товарищ был тоже опытный – мы каждый без слов что-то поняли друг про друга.

Хорошо, что место было у окна. Я увидел бредущего нищего. Пошарил в кармане – я наощупь помнил, какие деньги как у меня сложены, помельче внутри – покрутил, достать сто-рублёвую или полтинник. Остановился на пятидесяти: все мы бедные, кто-то больше, кто-то меньше, сегодня я приписал себя к большинству, это на грани между бедностью и нищетой. (Я бы приписал к числу смертных грехов ещё самолюбование, но в этом в нынешнее время я, наверное, не самый грешный. С этим после других своих изъянов буду бороться.)

Я догнал незнакомца.

– Отец, подожди! – сказал громко ему в спину.

Тот повернулся. Оказалось, он лет на десять старше меня, хотя его морщин хватило бы на нас обоих, как будто он забрал мои себе. Также он представал не таким уж и нищим: на нём были старомодные, но чистые джинсы и клетчатая рубашка из плотной ткани, нестарый ремень, белые китайские кроссовки без бренда. Не позже месяца назад его стригли – причёска выглядела косматой из-за ветра и перепелёсой окраски, смеси седины с русой основой. Его согбенное состояние было, очевидно, приобретённым.

– Вот! – я протянул ему сжатую в кулаке купюру. Подавать деньги в раскрытом виде мне показалось неудобным.

– Спасибо! – он, также не глядя на достоинство билета, принял скомканную бумажку и сунул её в карман.

Возникла пауза – он тоже меня рассматривал.

– Да, мы тут в провинции бумажными не балованные! – он заулыбался, сразу снял взаимное напряжение и открыл двери к продолжению разговора.

– Андрей, – я протянул руку.

– Михаил.

Он постарался, чтобы рукопожатие с его стороны выглядело крепким и уверенным, но кисть руки была до невозможности сухой и с чуть скрюченными пальцами, поэтому оно получилось символическим.

– Вам помочь? – я глазами показал на ношу.

– Нет, я привык.

Мы пошли параллельно, я следовал по его пути.

– Я не бездомный и не нищий. Просто люблю жить посреди людей, – пояснил человек.

– Я бы, наверное, тоже так хотел. Но нет привычки. И, мне кажется, это по-своему непросто.

– Да, нужен свой характер или многолетняя привычка. Трудно в первые два-три года. Я ведь тоже раньше пробовал себя в большом городе, – Михаил говорил как-то рывками, не заикался, а как будто каждый раз решал про себя, стоит ли делиться новым откровением.

– Почему вы сказали тоже? – банально поддержал разговор я.

– Ну, по вам видно, что вы из метрополии, – человек переложил ношу на другое плечо, – И предлагаю на «ты», – добавил он без перехода.

– Да, конечно, – мне понравилось, что он сам вёл разговор, я бы затруднился придумывать непринуждённые и нейтральные для начала знакомства темы. Кроме того, необходимость постоянного лидерства в большом городе утомляет, хочется побыть в норке, говорить невпопад, не бояться показаться глупым.

Мы шли по обновлённому бульвару. Из-за хорошего впечатления и первых тёплых дней прохожие казались героями с картин эпохи Возрождения, нёсшими свои образы каждый в свою даль. Во всяком случае, мне хотелось так думать. Но, невольно отвлекаясь на окружавшие эту часть города серые и бурые дома, я возвращался к осознанию, что отовсюду и полностью беда не уходила никогда, и страх и недоля даже не прячутся, а глядят на людей почти из каждого окна.

– А вы знаете... ты знаешь, что в итальянском есть специальное слово, обозначающее искусство вернуться в родной город после неудачи в большом? Только его не помню, – с новым знакомцем было удивительное ощущение, что можно говорить на самый широкий набор тем.

– Я тоже не помню, старею, – Михаил не смутился, и его слова прозвучали так, что он действительно это когда-то знал.

Пока между нами не возникало ни единой маленькой неправды, из которой часто состоят разговоры. Я списал это на краткость знакомства, по привычке не отпуская внутренние настройки, направленные на выявление манипуляций или непреднамеренной лжи.

– Хотите... хочешь выпить? – я и сам был не прочь в отпуске, пусть даже в середине дня.

– Нет, организм пока не просит. Может, попозже. У меня сегодня ничего не болит, и с утра здесь не было никакого горя.

– А что у вас всё-таки в сумках? – мне надо было дознаться для собственного успокоения, контуры ноши и её предполагаемый вес явно не соотносились, будто там были пушечные ядра.

– Там несбывшееся. Невоплощённое. Правда, только в судьбах людей этой местности.

– Например? – внутри себя я решил не избирать одну из простых линий, доверять или нет, а захотел пройти по среднему пути.

– Например, неизданная талантливая книга. Автор уже почти умер.

– В виде рукописи?

– Нет, в переплёте. Я сделал два экземпляра, ей и себе. Для радости. На толстой бумаге. Тяжёлая книга.

– И сказали, что книга издана? – я уже был вовлечён в эту игру с головой. Разгонялся на психологическом велосипеде, как тот пацан.

– Нет. Зачем так врать? Просто молча отдал.

Я знал вес настоящих книг. «Допустим, можно списать четверть ноши на это». (На этот счёт у меня был один «бзик»: я считал, что в современных текстах уже недостаточно привычных исторических знаков препинания, а стоит придумать и внедрить дюжину-две новых. Не эмодзи из Сети, нет – несложных, удобных и всем понятных символов. К примеру, знаки отчаяния, разочарования, приближающейся или происходящей катастрофы, может быть, надежды.)

– А ещё?

– Подожди! – он остановил меня жестом, положил сумки на скамейку, но оставив ношу, так и не распрямился.

Михаил сделал несколько шагов в сторону от бульвара, откуда донеслось громкоголосое: «Приём! Приём! Человечество, приём!». Машины резко остановились, люди отпрянули в сторону – через дорогу, задевая в попытках пощекотать прохожих, широкими волнами перемещалась пожилая женщина. Городская сумасшедшая ярко обозначала себя.

Речью, пёстрой одеждой, многочисленными лентами и тряпицами в длинных волосах. Я впервые видел «человека – лоскутное одеяло».

Люди были к ней неагрессивны – наверное, она выступала не первый раз. Нередко такие человеки, как говорилось по-старорусски (а в ней было много от старорусского), становятся местными знаменитостями или ходячими достопримечательностями, про которые не пишут в путеводителях.

– О! Архангел Михаил! – она помахала моему новому знакомому рукой. – Я сейчас.

Женщина отвлеклась, метнулась на несколько метров в сторону и атаковала хмурого задумчивого мужчину щекоткой. Тот был в куртке, и попытка не удалась. Он отпрянул, поднял до этого опущенную голову, как будто не знал, где он, и попытался понять обстановку и ситуацию. Потом слегка улыбнулся в усы, ничего не сказал. «А вдруг он пожалел, что не дал себя защекотать?!»

Машины терпеливо ждали. Возможно, им была любопытна эта мизансцена.

Ещё гражданка выделялась тем, что она передвигалась, будто порхая: ни в один момент времени нельзя было предвидеть, куда и с какой скоростью она проследует дальше.

– Ты меня принимаешь? – сумасшедшая кинулась на шею Михаилу и повисла на нём на несколько мгновений.

Я уж было подумал, что тот рухнет под такой тяжестью, но нищий (я всё равно продолжал про себя его так называть – вероятно, потому что мне так было удобнее остаться с первоначальным поименованием и условным местом его и моим в системе) даже не согнулся. Он любезно поддержал её за талию и мягко, в общем ритме сюжета, дал опуститься на землю.

– Привет, дорогая!

– Привет, родной! Сто лет... – не выходя из образа, точнее, из своего помешательства, она говорила громко, при этом такая манера не выглядела нарочитой; женщина так просто жила.

– Да только вчера виделись, – захихикал Михаил.

– Я же и говорю: сто лет! – подруга взяла мужчину под руку и повела к сумкам. – Ну, показывай, что у тебя сегодня для меня есть.

Она без спроса стала заглядывать в сумки и хотела было запустить руку в одну из них. Михаил её остановил.

– Подожди, я сам.

Тут она обратила внимание на меня.

– Этот с нами? – речь её стала более связной, то есть сумасшедшая не утратила контакт с реальностью.

– Можно сказать, сегодня с нами. Впрочем, знакомиться вам необязательно.

Женщина обозначила жестом, что хочет меня тоже пощекотать – я ответил ей тоже жестом, показав пальцами звериные или вампирские клыки. Та оценила, зачем-то засунула большие пальцы рук под мышки. Чуть погодя достала их и понюхала.

Неряшливость в одежде дополнялась многочисленными заплатками. Я предположил, что многие из них были не функциональны, а просто так, сами по себе, возможно даже, чтобы лоскуты не пролёживали себя, а присутствовали в общей жизни.

Михаил тем временем завозился с содержимым поклажи, он даже отнёс сумки чуть в сторону, от гостя и, очевидно, также от меня. Иногда женщина отворачивалась и шептала про себя, вздыхая. Я расслышал со второго раза.

– Ох, слабая сегодня я, ой, слабая...

– Как муж? – спросил её Михаил, не поднимая головы.

Я аж подпрыгнул: а почему, собственно, у женщины не может быть мужа?!

– Пыхтит! – из тона было непонятно, в хорошем или плохом смысле она это сказала. – Приготовила ему уши: мелких карасей с молоком.

Я подумал, что это как-то несочетающиеся продукты. Прямо из реальной адской кухни – сразу на туалет!

Михаил уловил моё замешательство.

– Многим просто больше нечего, – пояснил он мне. – Ловят карасиков в местном пруду, а молоко, когда купят, когда попросят. – С утра уже пила, что ли? – обращаясь к ней, строго спросил он.

– Да немножко, – она закатила глаза в сцене кающейся жены.

Нищий погрозил ей кулаком – женщине понравилось такое дополнительное внимание.

– Муж практически не пьёт, – повернулся ко мне Михаил.

Я не знал, как себя вести при этой пьесе. Ну, у людей своя драма, своя канва. Ничего не сказал и молча жил с ними. Мог бы попроситься и уйти, но делать всё равно было нечего, и вдруг как ещё можно было бы помочь. Кроме денег хотелось каким-то, пусть и малым, действием поддержать любого из них или каждого по отдельности – хотя бы удержать, когда кто-то оступится.

Женщина стала задирать в несколько приёмов длинную юбку. Я хотел отвернуться, но под юбкой виднелась ещё одна. К нижней, такой же добротной и вполне самостоятельной, были грубо и криво пришиты два крупных кармана.

– Вот, Миша, тебе! Пасхальное яичко, – она вручила другу первое яичко.

Он принял, убрал в глубину сумки.

– Что, покрасить не получилось? Поди, поленилась? – Михаил старался разнообразить разговор со знакомой, наверное, потому что с ней мало кто разговаривал, и он хотел покрыть зараз её потребность в дневном или с запасом более долгим общении.

– Красила. Молоком. Просто не покрасилось, не видно. На лук денег нет.

Я хотел было поделиться сокровенным знанием, что в некоторых магазинах специально продают луковую кожуру, но это прозвучало бы за гранью всякого цинизма. «Вот тебе наука: даже самое безобидное может оказаться грубым и неуместным!» – я пару раз в день делал себе подобные выволочки, когда говорил не думая.

Женщина спохватилась, достала второе яичко.

– А это тебе, прекрасный незнакомец!

– Спасибо! – я сделал неглубокий реверанс.

– Вот, дорогая! Тебе калейдоскоп и конфеты, – конфет было немного, но было несколько «морских камушков» (таких давно уже нигде не было видно).

– А конфеты мытые? – сказала она вместо «спасибо».

Моё здравомыслие и так было подвергнуто сегодня многим испытаниям, а тут захотелось схватиться за голову, закричать, как на картине Мунка, и броситься бежать.

Михаил прихватил меня за локоть.

– Она... – он сморгнул слёзы, – она в детстве мыла конфеты. Работала с детства от бедности уборщицей в магазине и собирала оброненные конфеты. Приносила младшим брату с сестрой домой. Может, тогда и сошла с ума.

Тут уже я отвернулся. Но не ушёл.

Через мгновение Михаил подтолкнул меня.

– Пойдём!

Я, уже не глядя на недужную, пошёл медленно вперёд.

– Понравился ей калейдоскоп? – после некоторого молчания я возобновил диалог.

– Да, а кому калейдоскоп может не понравиться?!

С этим нельзя было не согласиться. Я бы тоже сейчас и в любое другое время смотрел бы и смотрел в неповторимые пёстрые стёкла, ловил в них светлую невозможную будущность!

– Знаешь, что ещё у меня здесь? Невоплощённые души. Это те, кто не родился, хотя уже был помыслен – от войны, от невзгод, от безысходности, от ранних самоубийц...

Я кивнул.

– Они совсем лёгкие. Я даже не знаю, сколько их у меня. Видишь, какая в итоге тяжесть?! От страха перед миром они сбиваются вместе, как-то общаются между собой, продолжают искать защиту, не зная самого страшного о себе, что им не воплотиться.

Мы подошли к окраине города. На пустыре перед рекой оставалась только церковь. Дальше был крутой склон и выход к реке.

– Может, у неё и дети есть?

– Есть. Двое. Уже внучата большенькие. Дети её стесняются. А внуки нет. Может, сейчас их увидим, ребят. Сейчас они, верно, играют. Ладно, завтра раздам всем внучатам конфеты.

– А у тебя есть дети, внуки?

– А как же, – мужчина был горд собой и, возможно, благодарен мне за этот вопрос.

– Чем ты занимался? – я не любил рассказывать о себе, но всегда интересовался трудной жизнью других, а она у нас у всех была трудной.

– Выживал. Невозможно было поднять голову. Огородничал – чтобы прокормить семью. Сейчас, в двадцать втором, тоже так многим придётся. Устаёшь, конечно.

Михаил не глядел на меня, а наговаривал перед небом не заученный, а шедший изнутри монолог.

Мы уже подошли к склону. Отсюда был виден гигантский, широкий и глубокий, километров на пятьдесят, горизонт. Река, наполненная снеговыми богатствами по всему своему пути, разлилась в три раза больше летнего русла, но серая вода выглядела некрасиво, и река этого стыдилась. Леса за рекой разрезали серо-зелёные контрасты: серые – пока голые лиственные деревья, дразнящие свежестью, зелёные – вечная хвоя.

– Спасибо тебе! Иди! – Михаил постеснялся подать на прощание скрюченную руку.

– Да, до свидания! Прощайте!

Я не знал, как поступить.

Пройдя около минуты, я повернулся. Нищий без специальных усилий, чуть наклонившись вперёд, взлетел и стал удаляться со своей ношей ввысь.

Прогнозы изменения законов природы

*И безуспешно, как я ни упрям.
Мир бытия – досадно малый штрих
Среди небытия пространств пустых,
Однако до сих пор он непреклонно
Мои нападки сносит без урона.
Гёте, «Фауст»*

Часть первая

Глава 1. Племя новых романтиков. Вместо предисловия

«...Поколение новых романтиков.

Эти строки обо всех людях Севера, всех времен и всех поколений! Поколение романтиков 70-х – как мы это сделали?! Как мы вышли и закрепились в Арктике, в суровом климате и на суровых широтах? У этих достижений много опор: энтузиазм, коллективизм, ответственность... И, конечно, северный характер.

...Мы – поколение новых романтиков. Именно нам и нашим детям предстоит войти в историю, как участникам «второй волны» освоения Арктики».

«Так, – Семибратский отложил ручку, он специально писал сначала от руки, хотел почувствовать себя в одной обойме с великими, жаль не пером. – Неплохо». Он редко себя хвалил. И сейчас мысленно отошёл в сторону, чтобы «поглядеть» на себя, не слишком ли занёсся. Вроде норм.

Ему надо было написать бравурный текст про Арктику: как мы пытаемся вдохнуть в неё новую жизнь, в стилистике агитбригад. «На самом-то деле, такое можно было ещё пытаться излагать года три назад – сейчас все откатилось опять к инерции, вялой бодрости». «Давай, не хандри!» Внутренний диалог периодически возвращался. «Так нельзя! Ты же Семибратский – семь родственников... Жаль, не Двенадцатиапостолов или Трёхсестрин. Какие там еще есть мощные производные от числительных!?» Семь лет одиночества – они с женой после пятнадцати лет жизни вместе развелись – всё-таки сказывались. И возраст-то всего сорок – ни туда, ни сюда. Надо ещё потянуть ляжку, хотя бы до шестидесяти.

Работа в Центре прогнозирования изменений законов природы ему нравилась. Естественно, в секретном Центре. Он даже считал, что слово «природы» надо бы писать с заглавной – сильно же было бы: Природы! В соответствии с задачами и амбициями. По крайней мере, с его личными амбициями.

Изменения законов природы – почему нет? Это же возведённая в абсолют парадигма, пусть от отрицательной мотивации, но для него мотивация была вполне положительной, шла от мечты, устремлялась в спасительные новые столетия.

Даже статус МНС, младшего научного сотрудника, его не дисквалифицировал. Он ощущал свою принадлежность к великой череде МНСов – тех, кто дорос до академиков и десятков тысяч безвестных.

Сейчас у него было задание не совсем по его профилю математического моделирования, а лирического плана. Но так даже лучше, приятное отвлечение. «Только бы не обращать внимания на погоду, ноябрьское межсезонье, опять всё между и между». Приходилось бодриться в самом себе. Хорошую поговорку говаривала бабушка: «Да что там той зимы?! – сентяб, октяб, май!». «Сентяб, октяб – классно же!»

Центр располагался в сердце города, гигантское окно выдавало отличный вид на долгую перспективу. «Слава богу, не пересекретили. Был бы цоколь беспросветный, никуда всё равно бы не делся».

Идея была поймана и классифицирована. Дальше уже можно было садиться за компьютер. Так, для начала можно в шахматы. Обычные шахматы его уже не интересовали, линейные интриги в игре, да и в жизни надоели, не заводили. Он любил играть в шахматы Фишера, когда машина расставляет фигуры в произвольном порядке. И каждый раз необходимо заново осмысливать позицию и по-новому рисковать. Кроме того, не срабатывали дебютные заго-

товки. Это когда, например, в испанской партии соперники могли знать любые ветвления на десять-пятнадцать ходов. В каком-то смысле неспортивно.

Сегодня он играл рассеянно, начал злиться. Значит, недостаточно собран. Роман Семибратский так делал самодиагностику, через игру. Проворонил – соберись.

«Всё, Арктика!»

Однажды его чуть не женили на ненке. Сели они как-то на Дне оленевода в выставочный, но реальный чум, и богатая хозяйка давай его обхаживать. И по-простому предложила себя в жёны. Говорит: «Делать ничего не будешь! Всё сама, – помолчала. – Детей трое. Уже взросленькие». А он бы даже и не против – очень ему нравился обычай у тундровиков хоронить на воздухе, в металлической конструкции: умер, значит, но остаешься со всеми в одном фазовом пространстве – но... трое детей! Хотя бы двое. Трое «порвут».

Поэтому сейчас именно ему поручили текст про Арктику – жил там немного, по три раза в день, бывало, расчищал снег у своей съемной «деревяшки».

На Севере ему рассказывали много историй. Запомнилась такая. Во время войны фашисты потопили транспортное судно, мало кто выжил. Мальчик лет четырёх сумел добраться до берега и ушёл вглубь территории. Там его полуживого нашли и спасли оленеводы. Он остался в общине, каслал с ними около двух лет. В семье, в которой его приютили, было две девочки, постарше и на год помладше него. Которая помладше – первая и навечная любовь.

Когда мальчик подрос, и его надо было отдавать в школу, глава семейства отвёз парнишку в интернат. Там он и остался расти – поди сыщи в тундре вольного оленевода. Кроме того, когда ненец отвечал секретарю интерната при приёме ребенка на вопросы анкеты, он говорил очень тихо – не расслышав его имя, паспортистка записала вместо «Вотто» – нездешнее имя «Отто». Поэтому, когда парень окончил школу и решил найти своих спасителей, Отто никто не знал.

Юноша решил найти их самостоятельно. Он отправился сначала по ближним стойбищам, пешком. Благо было лето и ближние семьи, и общины были в досягаемости. Сообразительный и трудолюбивый парень пришёл к месту у новой семьи. Он ещё в интернате научился говорить по-ненецки, но в тундре пришлось учиться заново. Языку и навыкам обращения с оленями, охоте, обороне от волков и одичавших собак, постановке хитрой ждущей снасти на рыбу, многим житейским северным мудростям.

Но каслал с новой, уже отчасти своей, семьей он только до середины зимы. Мальчик искал свою спасительницу, чтобы остаться с ней навсегда. Когда они встретились с другой семьёй, русский ненец попросил их взять его с собой дальше на север.

Так он пропутешествовал по тундре, тайге, полярным горам, замёрзшему морю, бесчисленными озёрами и реками почти три года. И наконец юноша нашёл свою любовь – те же отец и мать, старшая сестра – уже с мужем и годовалым мальчиком (уже вторым, но первым выжившим – первый малыш умер от непонятной, подхваченной от оленей, болезни). Казалось, даже те же собаки, с мудрым чуть нахмуренным взглядом, оленные лайки. Пожив с ними несколько месяцев, он вызвал общую симпатию – родителям девушки не оставалось ничего другого, как выбрать в женихи его. Хотя тому предшествовало немало ночных споров между её родителями: будет ли он справляться со стадом, не уйдет ли или не уведёт дочку «в города», примут ли другие общинники.

Молодые люди поженились – по местному обычаю, намечая сделать это и по обычаю Иисуса и Микульского. У них родились дети, уже подросли и начинали помогать родителям.

Но, постепенно, мужчина начал замечать, что локоны волос его женщина расчёсывает как-то по-другому, не так, как делала та девочка, в семье чаще делали строганину, чем колотушку, и главное – ни семья, ни соседи не вспоминали тот приметный по всему случай со спасением мальчика. Возможно, за давностью лет приметный уже не так, или приметный лишь для него, как спасённого, заново родившегося. Так он себя успокаивал.

Но всё-таки слишком долго успокаивать было себя невозможно. Это была не она!

...Прошло две полярные ночи и один день. Хорошо, что северяне немногословные, и молчание и его частое хмурое настроение окружающие принимали как проявление поселившейся в нём на время чьей-то звериной души. Не оленьей, но, благо, не медвежьей и не волчьей. Какого-то зверя лесов средней земли.

Жена принимала его новый характер с переживаниями. Не за себя, а с переживаниями за него. Трудно ему у нас, не всегда может найти свой путь под бессветным зимним небом. Солнечный человек. Она тайком стала призывать Хэйро, чтобы оно в этом году пришло раньше. Её мысли и начатые ею свои обряды мать не одобряла. Только когда не было в чуме мужчин, они обнимались и немного, каждая о своём, плакали.

Потом, когда начали проявляться ручьи, нет, когда их потоки уже пробили в высоких снегах глубокие дорожки, и переезжать стало опаснее, мужчина, не уходя, вернулся. Однажды вдали раздался громкий продолжительный крик.

Через некоторое время мужчина вошёл в чум и крепко обнял жену! Он был счастлив и не искал другой жизни.

Семибратский так же одновременно жалел и не жалел, что расстался с Севером. Продолжил писать работу.

«...Что такое Арктика сегодня? ...Это потенциал добычи более чем на сто лет вперед. Это технологически новые и, что важно, уже воплощенные проекты. Их запуск знаменует собой начало новой эпохи, «второй волны» освоения.

Что такое «вторая волна» освоения? Если задачей эпохи романтиков было создание добывающей отрасли, то задача новой эпохи – развитие ресурсного потенциала и реализация транспортного потенциала макрорегиона».

Слова ложились ровно и качественно. Он представил себя радивым пахарем, за которым ложатся крепкие зёрна, и сразу же, зримо начинает вызревать урожай. Зримо, урожай – звучит, как закон сильной жизни, непреодолимый. Трудно изменяемый, невозможный к изменению.

Когда Семибратский вернулся на материк, то под впечатлением северных воспоминаний написал киносценарий. «Бонд в Арктике», так он придумал в голове, зная, что надо будет переделывать под русского героя.

Этот лист с синопсисом всегда лежал в перевернутом виде у него на столе. Как напоминание – чтобы довести проект.

«Цивилизация в Арктике вступает в новую эпоху... В российском секторе подводный буровой комплекс приступает к исследованию газовых гидратов. Топлива будущего (это действительно так). Внезапно из-за небольшого землетрясения комплекс всплывает. Миссия команды агентов – мужчины и двух женщин – организовать операцию прикрытия. Одна из женщин – двойной агент...

Для начала они организуют ложную экспедицию, договорившись использовать для этого частный ледокол. Необходимо завуалировать истинное назначение станции.

Для легенды команда проходит курсы нефтегазовой геологии. Они будут «геологами» на станции. Одновременно разрабатываются новые варианты прикрытия. Встречаются на материке с коренным населением. Один из вариантов – объявить этот район суши и моря священной землей. Герой знакомится с местной девушкой Недко, которая берется им помогать. Она знает, что невозможно объявить священной землей район океана, но ей интересна игра на грани между шпионажем и любовью.

...Поездки в деловые и одновременно шпионские столицы. Погони и драки, старые агентские сети...

Они участвуют как консультанты в заседании совета директоров буровой компании. Ряд правительств в числе акционеров. Взаимная слежка внутри команды, ревность к Недко. Двойной агент – не двойной...

Совет директоров разрабатывает несколько безумных планов по освещению буровых работ. (Среди членов правления есть робот, женская копия – с ней выйдет запутанная ситуация. В итоге состоится роман с антагонистом героя, членом Совета директоров, мистером Кукловодом).

В это время военные начали подозревать что-то неладное и решают провести показательные учения в том районе. Вторая сторона начинает симметричные учения. Обстановка накаляется.

После долгой поездки команда плюс Недко прибывают на станцию. Ложатся спать – завтра они должны решить судьбу мира.

Но внезапно ночью начинается новое землетрясение, и станция опускается под лед. Станция разрушается при погружении, команда с трудом и с жертвой одного из членов экипажа эвакуируется. Они мокрые высаживаются на лёд – при этом частное судно удаляется. На следующий день отец Недко находит их на оленьих упряжках – перед поездкой он подарил дочери амулет с поисковым маячком.

Когда они приезжают в стойбище, мужчина предлагает Недко поехать с ними. Перед девушкой возникает мучительный выбор: блага цивилизации или трудная жизнь на земле предков. Она делает выбор в пользу тундры».

«И ещё много чего, – Семибратский не стал дочитывать. – Картины северной природы, этнический колорит, столкновение идей и мировоззрений. Надо будет добавить немного абсурда!»

«...Какие направления и проекты включает в себя «вторая волна»? Основных – четыре. Первое: освоение ресурсов «новых» территорий. Затем новые технологии. Третье: качественное развитие транспортной инфраструктуры. И самое важное, ради чего и делаются все названные проекты: новое качество жизни на Севере, приближение к стандартам жизни на «большой земле».

«Первая неправда. А без этого как? Законы жанра. Но я же сам хотя бы немного верю в это. Верю. Оставляем».

«До недавнего времени хозяйственная деятельность человека на Севере строилась по очаговому принципу, то есть, развиваясь малыми поселками и городами вокруг объектов работы. Шагая в будущее, мы будем опираться на новую идеологию – создания опорных зон развития в Арктике. Когда повышается связанность территории, расстояния и погодные ограничения преодолеваются за счет новой транспортной системы, современные технологии связи и коммуникаций объединяют общество, и Арктика становится более «дружелюбным» местом жизни.

«Вторая волна» освоения, поколение новых романтиков! Как мы это сделаем?! Нам помогут в этом ответственность перед собой и своими детьми, стремление к самореализации, понимание важности задач на уровне поселка и города – региона – страны... И конечно, северный характер!

Нас, жителей Арктики – более двух миллионов человек. В том числе, более сотни тысяч человек – представители коренных народов, многие из них ведут традиционный образ жизни. Всегда единая жизнь и взаимодействие традиционной цивилизации и пришедшей цивилизации складываются на протяжении десятилетий. В Российской Арктике, как мало где в мире, удастся сочетать эти миры. Традиционная цивилизация уже активно пользуется благами развития технологий, при этом сохраняя ценности культуры, языка, близость к природе и дух тундры. Технологическая цивилизация ценит уникальность и самобытность коренных народов, понимая, что это делает ее более полной, связывает с Севером на уровне человеческого духа. «Чум был – чум будет!»

«Ай, даже сам прослезился. И надо как-то мощно закончить. Тем более, уже время к восьми».

«Время, вперед! Вперед, время! Новых романтиков идет племя!»

Семибратский ослабил галстук и с гордостью взглянул на стопку официальных материалов, которые он творчески переосмыслил. Вдохнул иллюзию жизни.

В конторе никого, кроме дежурного, не было. Они обменялись кивками – дежурил нормальный мужик, чуть постарше него и вполне адекватный. Просто Роман уже потратил энергию, а тот копил её на бессонную ночь. Они друг друга поняли. В этом была своего рода цеховая гордость, гордость осознанных изменителей законов природы. Пусть даже прогнозистов изменений.

МНС умышленно пошёл на заметно более отдалённую остановку автобуса, метро он неизвестно почему не признавал. Не считал его делом творения. «В начале Бог сотворил небо и землю, ... и метро?».

И чтобы путь пешком не показался долгим, затеял сам с собой обсуждение вариантов изменения законов природы на Севере. Что бы такого можно было изменить? Не обязательно пусть даже во благо, для начала – в принципе. Как вариант, можно всё резко сократить. Это он так, для разгона творческой мысли. Для ускорения мозгового процесса решил поиграть с кругами Эйлера – упаковать программные документы в схему. Основы основ, тактическая стратегия (так он называл труды с горизонтом менее тридцати-пятидесяти лет), экономическая экономика, политическая политика, «план столько-то тысяч»... Плюс реестры, пара-тройка абстрактных задач, обязательно про вызовы, не поддерживающая поддержка – для трёхмерности картины. Так, а где, спросит любой математик, количественные ориентиры, где, собственно, арктическая специфика? А, вот, есть количественный показатель – по одной из позиций ноль расходов. Вот, за него придумали новый экономический закон. Счастливые люди: не ведают «закона урожая».

Абсолютное отсутствие идеологии! То есть, для чего и как, знать необязательно.

Стоило бы обидеться на Эйлера: круги придумал, а как их вращать, не сказал.

«Придумал. Можно для начала поселить в Арктике пингвинов – вдруг приживутся. И, уже попрacticalнее – ввести мировую должность президента Арктики. Как минимум, интересно». «И главное, вечером уже не пить кофе».

Глава 2. В конторе

– Роман Батькович, привет! – утром к нему, показавшись в кабинете на полкорпуса, заглянул приятель Семибратского, советник освобожденного завсектором, Алексей Тёмкин.

– Заходи, дорогой! Не просто же так пришёл.

Да, такое было не в свойстве Алексея (Алессио – так называл его про себя Семибратский. Он вообще, для игры или по каким-то скрытым мотивам называл всех про себя как-то еще, не по именам, а как бы классифицируя людей. Кстати, это часто помогало ему предвидеть их действия. Алессио – это означало что-то воздушное в натуре, из серии помощника римских богов). Алексей никогда не делал ничего попусту – в любом, даже самом малом действии он старался закладывать что-то для пользы, пусть незримой и не мгновенной, но хотя бы потенциальной. С Семибратским он общался на перспективу...

– Спасибо! – он встал на фоне карты мира, так Алессио, «посмотрев на себя в кинокамеру», смотрелся эффектнее и многозначнее. – Во-первых, с сегодняшнего дня надо еще раз отмечаться у дежурного, в середине дня. Очно, с удостоверением.

Роман кивнул.

– Во-вторых, срочное задание: к ноябрю накопилось неиспользованных ресурсов. Необходимо на этой неделе заявить мощный НИР и желательно до конца года его закрыть, в смысле, выполнить. Лучше, чтобы был уже готовый.

– Насколько мощный?

– Прямо ух-х-х!

– У тебя же есть полчаса? – утвердительно спросил Роман. – Давай кофе попьём.

Семибратский встал и на пути к кофе-машине, метров пять, внутренне улыбался, стараясь скрыть своё торжество – одна из его перспективных тем может продвинуться, хотя бы и на чуть-чуть.

– Надо немного подумать.

Пока готовился кофе, Роман подошёл к окну и сделал вид, что любит вид. Вид же действительно в последнее время начал доставлять ему удовольствие. «Подмечаю больше оттенков – очевидно, возрастное». Действительно, так и было – замедляя темп наблюдений, суждений, жизни, он переходил в новое, пока приятное состояние.

– Что ещё нового? – Семибратский подлил елеса.

– Получилось с кольцевым солнечным затмением – подвинули планетоид на несколько сотен метров. С лунным – пока не получается.

– Да, слышал. Ну, очевидно, что планетарная и звёздная инженерия – разнопорядковые явления и дисциплины. А полное затмение будет по плану? Которое послезавтра.

– Неизвестно, – хихикнул Алессио. – Может быть побочная стохастика. Мощностей на два явления пока не хватает.

– Не дали спутников Роспространство? – Семибратский интересовался этим с прицелом на свои эксперименты.

– Дали, самих спутников просто требуется в разы больше. И по-хорошему, необходимо плечо почти до Сатурна. Можно было бы попросить европейских товарищей, но решили сделать это в следующий раз.

Тёмкин потянулся за конфетой и стал её долго разворачивать. Тянул время, а скорее намекал, что пора переходить к его теме. Роман специально помолчал, подогревая нетерпение коллеги.

– Но это не всё. Есть задача организовать внеплановое кольцевое солнечное затмение, – Алессио обдумывал, какие ещё секреты можно рассказать без особого риска. По плану оно должно быть в тридцать девятом – хотим сделать ещё в тридцатом.

– Вполне реалистично, – искренне одобрил Роман.

Когда Тёмкин начал сворачивать фантик у несъеденной конфеты, стало понятно, что дальше тянуть с основным нельзя.

Алексей набрал в лёгкие воздуха... Но в дверь постучали – и так же на полкорпуса в двери появилась завсектором абстракций Дева-Ирина. В форме она была весьма, Ирина знала это и часто, одна из немногих, ходила в погонах. Собственно, форма в институте была околвоенной – модные, стройнящие силуэты, тонкие шерстяные ткани в темно-синих тонах, из признаков униформы только небольшие погоны на полтона светлее и петлицы с символом военной науки, луком и стрелой покровителя знаний, Аполлона. Символ космически организованного мироздания. «Как сама Ирина».

За внимание завсектора абстракций негласно боролась половина мужской части института. Её необычная внешность, а ещё больше необычный ум выделяли женщину, она это знала, но старалась сдерживать свои порывы и властные силы. На такую внутреннюю борьбу уходило немало энергии, времени и сил, поэтому Ирина была всегда несколько усталой.

Завсектором была не то чтобы красавица, у неё были какие-то первобытные черты лица. Удлиненный прямой нос, чётко очерченные скулы, немного мальчишеская фигура с не выделяющимся женским силуэтом. Из-за этого, а также по неясным фрейдистским мотивам её осознание себя женщиной навсегда запоздало, но это тоже играло в плюс. Такая отличительность многим нравилась.

Когда она играла с мужчинами, её сама это приятно удивляло – Ирина жила в предчувствовании каких-то новых больших открытий и серьёзной будущности.

Она вошла. Ирина и Семибратский, можно сказать, дружили, периодически играя, переходя эту грань. Достаточно сказать, что они вместе курили – пусть и нечасто, раз в неделю. Роман в общем-то не курил, не находил в этом специального удовольствия, но тайная атмосфера и сам ритуал ему нравились.

Девушка была заметно младше их обоих – еще нет тридцати, а уже завсектором и старше их по званию. И это было заслуженно. Окончила факультет искусствоведения, но возглавляла сектор абстракций, и абстракций очень даже математических.

В картине математических разделов абстракция находила себе место в каждом блоке. И чем выше поднимались их ступени, тем красивее могла быть отвлеченность. Ирине нравилось в её направлении буквально всё: терминология, мыслительные техники, возможность оперировать абстракциями в целом комплексе наук, вариантами игры в соотношениях понятий. Отдельным было очарование идеализацией, как одним из ярких инструментов дисциплины.

При этом шло постоянное обучение и нередко приходилось пересматривать ранее установленные «аксиоматические» основы и иерархии. В каком-то смысле это была страшная наука.

– Привет! – одновременно сказали мужчины.

Семибратский вручил ей кофе первой – получилось, как будто напиток приготовлен специально к её приходу. Ирина оценила.

– Садитесь! – Роман усадил коллег, а сам продолжил хлопотать с кофе. – Алессио (у него иногда прорывалось, но никто не обращал на это внимания), твоя просьба ведь не секрет?!

Он говорил не поворачиваясь. Ему самому не очень нравилось, когда он так делал, разговаривал, не оборачиваясь, но в институте было принято принимать специальные свойства сотрудников, даже поощрительно относиться к небольшим чудачествам. Специфика службы.

Алексей на полмгновения замялся, но тут же выпалил: – Да, даже полезно.

– Рассказывайте, мальчики!

– Есть идея мощного НИРа! – Роман решил больше не тянуть. – Пощупать сингулярность!

– ...Ага! – сглотнул Алексей.

– Супер! Как раз и по моему направлению. Еще та абстракция! Можно сказать, абстракция конкретная, – Ирина залпом, по-мужски, выпила всю чашку.

Алексей начал неистово мешать кофе – то в одну, то в другую сторону. Он разволновался.

– И как это сделать? У наших ускорителей нет таких мощностей, – Ирина уже прокрутила в голове набор вариантов.

– А мы задействуем сеть ускорителей, международную!

– Да кто нам позволит? – Алексей для порядка вставил словцо, чтобы потом не решили, что он не участвовал в рождении идеи.

– Вопрос.

Семибратский долгим взглядом стал смотреть на Ирину. По привычке. Сейчас он смотрел вполне правильно. Но была и привычка – он выработал её, опираясь на одну черту внешности коллеги. У неё были милые небольшие ушки. Но они отходили от головы под прямым углом, и даже под шапкой волос их кончики всегда выглядывали. Получалось, что он общается не только с глазами женщины, но и одновременно с кончиками ушей. Если бы Роман сказал ей об этом, конечно, дружбе был бы конец. Или не конец, но будь он на её месте, отправил бы чудака подальше.

– Я, а может и мы с тобой, Рома, скоро поедем в Европу, на их ускоритель. Может, они согласятся нас допустить.

– Но сейчас же не та обстановка! – Алексей уже внутренне радовался, что ценность задачи укрепляется на фоне сложностей.

– Думаю, Стерн может договориться.

Стерн, по паспорту англичанин, и был шефом Алексея, тем освобожденным завсектором. В их науке было нормально и даже поощрялось присутствие в штате иностранцев, а также обмена и поездки. Все-таки законы природы – общее дело, пусть у них там и не такое общее, как в России.

«Только бы не пронюхали институтские философы».

Даже должность освобожденного создали под Стерна. Он её предложил, и все удивились, как это они сами раньше не додумались. На самом деле весьма полезный функционал – сшивать межсекторальные исследования, создавать сквозные общие темы, смотреть на ситуацию сверху. «Как господь Бог!», – без тени иронии подумал Семибратский. «Нет, великовато – как Третий архангел! Жаль имя неподходящее – Эллиот. Пусть будет пока просто Третий архангел».

– Что делаете на Новый год? А, Алексей? – Ирина подалась корпусом навстречу Тёмкину.

– Я просто... живу! – поспешил на позиции Семибратский.

Та умышленно не взглянула на Романа.

– Ты понятно. Ты всегда просто живешь.

Алексей чуть растерялся. Сложно с этими завсекторами: то ли денег попросят, то ли так укусят.

– А какие предложения? – вторым номером Алексею было проще. – И, кстати, какая будет погода?

– Вот, это уже разговор. Я специально перед вами заходила к нашим синоптикам. Будет романтик: лёгкий морозец и символический снегопад.

Отдельно стоит рассказать о ведомственной службе синоптиков, которая работала исключительно на институт. Их прогнозы были как будто подсмотренные у небесной канцелярии и сбывались с точностью до 10 минут. К слову, погоду они измеряли не только применительно к любой точке планеты, но и прогнозировали ряд специальных межпланетных параметров. Поэтому их все любили: если большинство жили и работали в ситуации постоянной неопределенности, контакты с синоптиками приносили приятную благодать и создавали удовлетворение от работы института. Тем более, их шеф, всегда ходящий в модном халате, Дементий, был приятным в общении, немногословным, но в речах и жестах всегда чётким.

Семибратскому нравилось видеть, когда Дементий или другой синоптик лезли по лестнице на крышу, где располагалась часть наблюдательной аппаратуры. Это было зримое восшествие на небо, будничное и осязаемое, радующее своей повседневной обыкновенностью.

– Вот же ж, неудобно: забыл совсем, что должен Дементию, – смутился Роман.

– Мы все ему должны, – погладила его по руке Дева-Ирина. – В моральном смысле.

– Надо будет проставиться ему к праздникам.

– Не забудь позвать, – Алексей чутко упредил коллегу (Ирина благодарно кивнула).

Через минуту – все, каждый по-своему, ненадолго замолчали, наверное, от переживания хороших мгновений – тишину нарушил неприятный, длившийся несколько секунд, звук. Алексей отрывал полоску бумаги от перевернутого документа на столе Семибратского. Не глядя, что это за материал, и не зная, какова его важность. Достал ручку.

– Как назовём тему? – советник выпрямился.

– «Попытка перезапуска Вселенной путём разового моделирования сингулярности. Натурный эксперимент».

– Поставить в план на будущий год?

– Да, в декабре вряд ли успеем, – серьезно ответил Роман.

– А что еще ты предложил в план на будущий год? – спросила Ирина.

– Так, всё то же. Ты знаешь. Ещё из позапрошлого года, переходящее.

– Ой, мы же опаздываем отметить, – спохватился Алексей.

– Я сегодня не пойду, – сказал Семибратский. – Насчет эксперимента – посмотрим, какие будут санкции.

Ирина одобрительно посмотрела на него. И выходя, подала Роману их тайный знак, чтобы встретиться поболтать за углом здания. Он посмотрел сквозь неё, внезапно впад в состояние задумчивости.

– Кстати, завтра беспредметное общее совещание, – уже прокричал из дверей Тёмкин.

Семибратский сидел долго, никуда не глядя. Он забыл про тайный перекур. Когда МНС вышел из ступора, за окном уже смеркалось.

«Вот как у кого-то хватает времени?! Шесть дней, шесть дней...»

Подглава главы 2. Абстракции реальны и идеальны

В ходе рабочих и нерабочих дискуссий коллектив сектора абстракций выработал, можно сказать, общую платформу. Чтобы не возвращаться каждый раз и не обсуждать наново базовые понятия, определить некое поле исследований в бесконечном пространстве поиска.

Во-первых, про это было наибольшее число споров, и оставались ещё тайные несогласные – установили, что первоосновой является психология. Психология как продолжение разума. От потребности человека понять и упростить, систематизировать реальность, при этом не отрицая необходимости поиска истины, родилось направление и первые отвлеченности. В числе стартовых допущений были наличие разума во Вселенной, человеческого и любого иного, имплицитное условие наличия жизни как одной из форм самореализации материи и духа. Пусть не конечной формы, но варианта воплощения высокого уровня.

Уже во-вторых, принимался постулат о реальном содержании абстракций, наличии действующего сущностного ядра. Можно спорить, статического или динамического ядра, но сущности как атрибута, неотделимого и во многом определяющего свойства.

Обобщая сказанное, можно было развивать идею в целом о разумности всех надстроек реальности, включая общественное устройство. Как говорил оппонент Ирины по диссертации, за которую ей сразу присвоили «доктора»: «Русская и российская философия всегда определялись через социальность – и потому как философия она в итоге не состоялась. Но в этом же, во всяком ответе на вопросы мироздания, абстрактной и точной науке, в необходимости всякому предмету приложить, продолжить его социальностью кроется расчёт на будущее!» Тогда она не совсем поняла замысел говорящего, но слова остались в её памяти надолго. И периодически Ирина их применяла всё чаще.

В секторе продолжался спор о соотношении математической и физической бесконечности. Тут уже, что называется «смотри пункт первый». Эта проблематика являлась двигателем дискуссии и постоянно способствовала удачному выбору тем. Кстати, по части этого «мат-физа» Ирина и Семибратский расходились. Ирина считала, что физическая бесконечность не имеет физического же смысла. То есть, определяясь как сложно достижимое множество или как не проявляемая субстанцией или полем конечность самой себя, физическая бесконечность старается свести предмет к отсутствию физической же возможности её исчисления. К отсутствию как к сущности, абстракции на абстракцию. Такого подхода завсектором не могла себе позволить. Роман выносил за скобки психологию и потому обращался с этими терминами и стоящими за ними явлениями как с равноправными, можно сказать, в известном смысле техническими, операционными понятиями. Единственно, математическая бесконечность ему нравилась больше, с ней было более симпатично.

В практическом же смысле вытекающие даже из разных мировоззренческих позиций в отношении бесконечности гипотезы и эксперименты были тождественны. Было интересно, и Роман так часто делал – проверить гипотезу или тему на её обратное соответствие идеям отсутствия пределов. Само создание института с амбициями на изменение законов природы было

таким обратным действием. Которое могло начаться с любой прикладной задачи и возведено в абсолют.

При этом, конечно, было сложно спорить с Пуанкаре, который трактовал бесконечность как модификацию конечного. В такой версии, как частного случая первого от второго, флёр мощной абстракции несколько тускнел. А накала борьбы с природой снижать было никак нельзя!

Задуманный эксперимент моделирования сингулярности должен был не только попробовать моделировать это явление, но и проверить гипотезу о базовой структуре Вселенной. На наличие исходного каркаса материи, на который нанизываются все другие процессы. Который был, есть и будет. И по отношению к которому определяется первооснова пространства. Согласно гипотезе Семибратского, этот каркас задаёт однородную структуру мира – поэтому понятие бесконечности является столь важным для такой модели. Получается, что независимо от того, «плоский ли наш мир», его база изначально однородна в определенном масштабе и немислимо бесконечна.

При этом такая основополагающая стабильность никак сама себя не дисквалифицирует и является достойным приложением математического и эмпирического аппарата в полном объеме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.